НУДЖУД АЛИ

МНЕ 10 ЛЕТ, И Я РАЗВЕДЕНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нуджуд всего 10 лет. Возможно, чуть больше или чуть меньше. Родители не могут точно сказать, какого она возраста. Им не до подсчетов. Мать Нуджуд бесконечно рожает. У нее на руках шестнадцать детей. Отец работает, чтобы прокормить многочисленное семейство. Ведь у него две жены. И от второй тоже есть потомство, хотя и не столь многочисленное.

Семья уезжает из маленькой йеменской деревушки в столицу за лучшей жизнью, но проблем не становится меньше. Отец Нуджуд теряет работу. Как поправить положение?

Совсем неожиданно их маленькой дочке находится жених. И пусть они его совсем не знают, и пусть ему давно за тридцать, и пусть она еще совсем ребенок… Это неважно… Нуджуд должна выйти замуж, чтобы помочь своей семье…

Но маленькая девочка-женщина еще даже не догадывается, что за жизнь ее ожидает..

- Нуджуд Али
  -
  - Нуджуд — современная героиня
  - 1. В суде
  - 2. Кхарджи
  - 3. Разговор с судьей
  - 4. Свадьба
  - 5. Шада
  - 6. Побег
  - 7. Развод
  - 8. День рождения
  - 9. Мона
  - 10. Возвращение Фареса
  - 11. Когда я стану адвокатом…
  - Эпилог
  - Мы хотим сказать спасибо…
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43

Нуджуд Али
Дельфин Минуи
«МНЕ 10 ЛЕТ, И Я РАЗВЕДЕНА»

«Меня зовут Нуджуд, я родом из маленькой йеменской деревушки. Мне десять лет — во всяком случае, я так думаю. В стране, где я живу, у деревенских детей нет документов, никто не регистрирует их при рождении. Родители насильно выдали меня замуж за мужчину втрое старше меня. Я пережила насилие и побои. И однажды утром, выйдя за хлебом, я села в автобус и отправилась в суд, в надежде, что меня там выслушают…»

В этой книге описана реальная история маленькой йеменки, которая отважилась бросить вызов традициям, потребовав развода с навязанным ей насильно мужем. И она его получила!

В стране, где половина девочек выходит замуж еще до того, как достигнет восемнадцати лет, Нуджуд стала первой, кто на это решился. Ее поступок нашел отклик в сердцах людей по всему миру и взволновал международную прессу. Нуджуд решила открыто поведать людям свою историю. Она сделала это для того, чтобы помочь другим, чтобы показать им, как надо действовать, чтобы добиться развода.

Книга создана в соавторстве с Дельфин Минуи, известной журналисткой, специалистом по Среднему Востоку, в 2006 году получившей престижную премию Альберта Лондра за серию актуальных репортажей из Ирана и Ирака.

Нуджуд — современная героиня

Давным-давно[1] были сложены легенды о волшебной стране, где дома похожи на пряники, покрытые тончайшей сахарной глазурью. Эта страна находится на южной оконечности Аравийского полуострова, где Красное море сливается с Индийским океаном. Страна с тысячелетней историей, где на вершинах гор возвышаются изящные глиняные башенки. Страна, где по мощеным улочкам беззаботно струится запах ладана.

И называется эта страна Йемен.

Но много лет назад великие люди решили дать ей другое имя и нарекли ее *Arabia Felix* — Счастливая Аравия.

Йемен наполнял сердца людей сладостными мечтами. Владение царицы Савской, славившейся своей красотой и непокорным нравом. Страсть к ней опалила сердце царя Соломона, образ которого запечатлен на страницах Библии и Корана. Это таинственный край, где люди никогда не покидают своих домов без изящно изогнутых клинков, гордо заткнутых за пояс, а женщины прячут свою красоту за непроницаемыми черными покрывалами. Страна, расположенная на древнем торговом пути, по которому на протяжении веков ходили караваны, груженные специями, корицей и драгоценными тканями. Купцы проводили в дороге долгие недели, а порой и месяцы. Ни дождь, ни ветер не могли остановить их. А те, у кого не хватало сил идти вперед, никогда не возвращались домой.

Если объединить вместе территории Греции, Сирии и Непала, добавить к этому еще немного земли и самый краешек окунуть в Аденский залив, то получится Йемен. У его берегов, в беспокойных морских водах, просоленные пираты из самых разных стран подстерегают грузовые суда, курсирующие между Индией, Европой и Америкой…

Века сменяли друг друга, и многочисленные завоеватели стремились овладеть этой прекрасной страной. Вооруженные луками эфиопы пересекли ее границы и расчертили стрелами небо, но были быстро изгнаны. За ними пришли густобровые персы, прорывшие в земле Йемена каналы, окружившие ее крепостями и принявшие на службу некоторые племена, чтобы те помогали им сражаться с другими захватчиками. Потом попытали счастья португальцы, опутавшие край торговой сетью. На смену им явились османцы, которые властвовали в стране более ста лет. Затем в южных портах обосновались белокожие британцы, а на севере — турки. А стоило уйти англичанам, как свой взор на юг обратили хладнокровные русские. Страна развалилась на две

части, подобно пирогу, который дети-сладкоежки никак не могут поделить.

Говорят, правители всегда стремились властвовать над Счастливой Аравией, потому что она таит в себе тысячу и одно сокровище. Нефть заставляет иностранцев захлебываться слюной. Мед Йемена ценится на вес золота. Музыка околдовывает, от нежной утонченной поэзии сладко замирает сердце. Пряный аромат традиционной кухни пробудит чувство голода в любом человеке. Развалины прекрасных дворцов привлекают археологов со всего света.

Захватчики оставили земли Йемена много лет назад. Но с тех пор страна погрузилась в пучину гражданских войн, слишком страшных и сложных, чтобы рассказывать о них в этой книге. Объединенный в 1990 году, Йемен все еще страдает от ран, полученных в многочисленных сражениях.

Во главе страны стоит президент, чей портрет часто украшает витрины торговых лавок. Но помимо него есть еще старейшины племени в высоких тюрбанах. Эти люди обладают огромным авторитетом, и в деревнях именно они решают вопросы о продаже оружия, заключении брака или культуре *qat*[2], старейшины всегда стремятся оставить за собой последнее слово. Создается впечатление, что, если кто-то откажется их слушать, они очень разозлятся. Не стоит забывать о взрывах, периодически гремящих в богатых кварталах Саны, где живут иностранцы, разъезжающие на больших машинах с затемненными стеклами. А в стенах домов вся власть сосредоточена в руках отцов и старших братьев…

Именно в этой неспокойной и удивительной стране десять лет назад родилась девочка по имени Нуджуд. От макушки до пяток — три ладони; она не была ни принцессой, ни королевой. Обычная девочка, окруженная множеством братьев и сестер. Подобно другим детям ее возраста, она любит играть в прятки и обожает шоколад. Нуджуд может часами смотреть мультики и хочет быть похожей на черепашку, потому что никогда не видела моря. Когда девочка улыбается, на левой щечке у нее появляется маленькая ямочка.

Но наступил холодный серый вечер февраля 2008 года, и озорные глаза Нуджуд наполнились горькими слезами: отец объявил, что отдает ее в жены мужчине, который в три раза старше девочки. Словно вся тяжесть мира разом обрушилась на ее детские плечи. Едва опомнившись после свадьбы, сыгранной на скорую руку через несколько дней, малышка решает собрать последние силы и изменить свою несчастную судьбу…

Дельфин Минуи

1. В суде

2 апреля 2008 года

Я верчу головой во все стороны — никогда еще не видела столько народу. Во дворе перед главным зданием суда люди толпятся, толкаются, куда-то спешат. Вокруг меня мужчины в деловых костюмах, с пожелтевшими документами в руках. Другие одеты в *zanna*, длинные традиционные туники, которые обычно носят в деревнях на севере Йемена. В невыносимый шум множества голосов вплетаются крики и рыдания женщин. Я хотела бы прочитать по губам, что они пытаются сказать, но *niqab*[3], такой же черный, как и их платья, оставляет открытыми лишь глаза, совсем круглые от волнения. Во взгляде этих женщин такое отчаяние, будто их дом сровнял с землей яростный ураган. Я напрягаю слух изо всех сил, но до меня доносятся лишь обрывки слов: «опека над ребенком», «справедливость», «права человека»… Не очень понимаю, что все это значит. Рядом великан с квадратными плечами и натянутым на уши тюрбаном, потрясая пластиковой папкой с документами, рассказывает всем, кто хочет его слушать, что он намерен вернуть украденные у него земли. Ой! Из-за того что мне все время приходится прыгать туда-сюда, как испуганному зайцу, я в конце концов в него врезалась.

Что за бардак! Мне на ум приходят рассказы *Aba*[4] о площади Аль-Ка в центре Саны, где собираются безработные. Как только лучи рассветного солнца освещают город и смолкает *azan*, призыв на утреннюю молитву, каждый становится сам за себя, ведь работа достается лишь первым. Голод превратил сердца этих людей в камень. Нет времени переживать за судьбу других. А мне так хотелось, чтобы кто-нибудь взял меня за руку, ласково посмотрел. Чтобы меня хоть раз выслушали! Но создается впечатление, что я остаюсь для всех незаметной. Я слишком маленькая для них. Большинству я едва дохожу до пояса — ведь мне всего десять лет, а может, и меньше, кто знает?

Я представляла себе суд по-другому… Казалось, что это чистое спокойное место. Огромный дом, где Добро торжествует над Злом и решаются все проблемы на земле. Я уже видела суды, когда смотрела телевизор у соседей, и помню судей в длинных мантиях. Говорят, что именно они могут помочь людям, попавшим в беду. Обязательно нужно найти одного из них, чтобы рассказать ему свою историю. Под покрывалом ужасно душно. Щеки горят от стыда, голова болит. Хватит ли у меня сил идти вперед? Нет. Да. Наверное. «Слишком поздно отступать!» —

говорю я себе. Самое страшное уже произошло. Надо двигаться дальше.

* * *

Сегодня утром, выходя из родительского дома, я поклялась, что не вернусь туда, пока не добьюсь своего. На часах было ровно десять.

— Купи, пожалуйста, хлеба к завтраку, — сказала мама и протянула мне 150 риалов[5].

Я практически машинально стянула волосы в узел и спрятала их под черный платок, завернулась в черное покрывало — все йеменские женщины одеваются так, когда выходят на улицу. Закрыла за собой дверь, на трясущихся ногах прошла несколько метров и села в первый остановившийся рядом автобус, который ехал по проспекту, ведущему в центр города. Вышла на конечной, а там… пересилила свой страх и первый раз в жизни одна села в желтое такси.

* * *

Очередь во дворе кажется бесконечной. К кому же мне обратиться? Внезапно в толпе я замечаю направленный на меня заинтересованный взгляд. Рядом с лестницей, которая ведет ко входу в здание из бежевого бетона, стоят три мальчика в пластиковых сандалиях и оглядывают меня с головы до ног. Их почерневшие от пыли щеки напоминают мне о младших братьях.

— Скажу твой вес за десять риалов! — кричит один из них, потрясая старыми помятыми весами.

— Чаю, чтобы утолить жажду? — предлагает второй, показывая корзинку, полную дымящихся стаканчиков.

— Свежий морковный сок? — обращается ко мне третий, нацепив свою самую любезную улыбку и протягивая правую руку, в надежде получить монетку.

Нет, спасибо, я не хочу пить. Ни тем более взвешиваться! Если бы они только знали, что привело меня сюда…

Окончательно растерявшись, снова вглядываюсь в лица суетящихся вокруг взрослых. Женщин в темных покрывалах невозможно отличить одну от другой. Но вот я замечаю мужчину в черном костюме и белой рубашке, который идет в моем направлении. Судья, может быть… или адвокат? В любом случае, надо попытаться.

— Простите, господин, мне надо поговорить с судьей!

— С судьей? Это там, надо подняться по лестнице, — отвечает он, едва удостоив меня взглядом, и снова растворяется в толпе.

У меня нет выбора. Нужно пройти по лестнице, которая лежит прямо передо мной. Это последний и единственный шанс что-то изменить. Я чувствую себя грязной. Придется протолкаться через толпу, которая ближе к главному входу становится совсем плотной, одну за другой пройти все ступени, чтобы рассказать свою историю. Я едва не падаю, но умудряюсь удержаться на ногах. Глаза сухие — мне пришлось слишком много плакать, больше не могу. Нет, я не могу сломаться. Не сейчас.

На белых, похожих на больничные, стенах я различаю надписи на арабском языке. Несмотря на все старания, не могу разобрать, что там написано. Во втором классе меня заставили уйти из школы — как раз перед тем, как жизнь превратилась в кошмар, поэтому я не умею писать ничего, кроме своего имени — Нуджуд. Чувствую себя очень неуютно. В конце концов взгляд падает на группу людей в зеленой униформе и беретах. Это явно полицейские. Или солдаты? У одного из них на плече висит автомат Калашникова.

Меня начинает трясти. Если они меня заметят, то, скорее всего, арестуют. Маленькая девочка убежала из дома — так не пойдет. На негнущихся ногах я подхожу к первой попавшейся женщине, скрытой под черным покрывалом, надеясь привлечь внимание незнакомки. «Давай, Нуджуд! — шепчет кто-то внутри меня. — Ты, конечно, девочка. Но ты еще и женщина! Настоящая женщина, хотя ты это еще до конца не поняла».

— Я хочу поговорить с судьей!

Удивленный взгляд глаз, заключенных в черную рамку. Женщина, стоящая впереди, не заметила, как я подошла.

— Что, прости?

— Я хочу поговорить с судьей!

Неужели она тоже сделает вид, что ничего не понимает, как поступали остальные?

— А какой судья тебе нужен?

— Я просто хочу поговорить с судьей!

— Но здесь много судей…

— Отведите меня к судье, все равно к какому!

Она молчит, удивленная моей настойчивостью. Если только не окаменела от моего пронзительного крика.

* * *

Я простая девочка из деревни, живущая в городе, которая всегда подчинялась мужчинам нашей семьи. С самого рождения я училась отвечать «да» на все приказы. Но сегодня скажу «нет». Моя душа осквернена. Никто не имеет права помешать мне встретиться с правосудием. Это последняя возможность — и я так просто не сдамся. Ни холодный, как мрамор стен, взгляд, ни эхо собственного крика, разносящееся по зданию, не заставят меня замолчать. Я уже три часа бессмысленно брожу по лабиринту суда. И хочу наконец поговорить с судьей!

— Хорошо! — отвечает женщина и делает знак, чтобы я следовала за ней.

* * *

Дверь открывается, и я оказываюсь в обитой войлоком комнате; на полу — коричневый ковер, по которому туда-сюда ходят люди. У дальней стены за столом сидит тонколицый усач и пытается справиться с потоком вопросов, которые обрушиваются на него со всех сторон. Судья! Наконец-то! В комнате шумно, но я почему-то чувствую себя в безопасности. Все получится. На стене висит вставленная в рамку фотография: это же «*Amma Ali*», «дядюшка Али», как нас учили говорить в школе, — президент нашей страны, Али Адаллах аль-Салих, избранный более тридцати лет назад.

Подобно другим людям в комнате, сажусь в одно из темно-коричневых кресел, стоящих вдоль стены. Снаружи доносится крик муэдзина[6], призывающего к полуденной молитве. Постепенно начинаю замечать вокруг знакомые лица, точнее, глаза, с которыми я встречалась взглядом во дворе. Некоторые из посетителей недоуменно кивают в мою сторону. Неужели они наконец-то признали, что я существую? Как раз вовремя. Обнадеженная, прижимаюсь головой к спинке кресла и терпеливо жду своей очереди.

Если Бог существует, пусть Он придет мне на помощь. Я всегда прилежно молилась пять раз в день. Помогала маме и сестрам на кухне во время Аида, праздника, который отмечают в конце рамадана. Я послушный ребенок. Пусть Господь меня пожалеет…. В голове толпятся расплывчатые картинки. Вот я уже плыву. Море тихое, спокойное. Вдруг вода приходит в движение. Вдалеке мой брат Фарес, но я никак не могу до него доплыть. Зову его. Он не слышит. Начинаю выкрикивать его имя. Но порывы ветра гонят на меня волны и толкают назад, в бухту. Сопротивляюсь изо всех сил, руки работают, как пропеллеры. О

том, чтобы сдаться, не может быть и речи. Волны зловеще ревут вокруг, берег совсем близко. Фареса уже не видно. На помощь! Не хочу возвращаться в Кхарджи, нет, нет, не хочу!

* * *

— Чем я могу тебе помочь?

Мужской голос разрушает мою полудрему. Незнакомец говорит удивительно ласково. Для того чтобы привлечь внимание, ему совсем не обязательно повышать голос. Достаточно прошептать: «Чем я могу тебе помочь?..» Наконец-то кто-то пришел мне на помощь. Тру ладонями лицо и вдруг понимаю, что этот мужчина — судья, тот самый, с усами. В комнате почти никого не осталось. Обеспокоенный моим молчанием, он задает вопрос по-другому:

— Что тебе нужно?

Мне не приходится долго размышлять над ответом.

— Развод!

2. Кхарджи

В Кхарджи, деревне, где я выросла, женщин не учат выбирать. Когда моей матери, Шое, было шестнадцать лет, она безропотно вышла замуж за отца, Али Мохаммеда аль-Ахделя. А когда он спустя четыре года решил расширить нашу семью и взял вторую жену, мама снова покорно подчинилась желаниям своего супруга. Свое замужество я восприняла с таким же смирением — еще не понимая, на что себя обрекаю. Девочки моего возраста не должны подвергать сомнению решения взрослых.

* * *

— Откуда берутся дети? — как-то раз невинно спросила я у *Omma*[7].

— Узнаешь, когда подрастешь! — ответила она, отмахиваясь от моего вопроса.

Хоть мне и не удалось удовлетворить свое детское любопытство, я послушно отправилась в сад к братьям и сестрам. Больше всего мы любили играть в прятки. В долине Вади Ла'а провинции Хадджа, расположенной на севере Йемена, где я родилась и прожила первые годы своей жизни, можно найти тысячу и одно укрытие, идеально подходящее для наших игр: расщелины в стволах деревьев, скалы, небольшие, изломанные временем пещеры. Устав от беготни, мы забирались в высокую траву и отдыхали, уютно свернувшись в гнездышке из свежей зелени. Солнце пользовалось моментом затишья и гладило лучами нашу кожу, делая ее еще более темной. Отдохнув, мы принимались носиться за курами или дразнили осликов, тыкая в них прутиками.

У матери было шестнадцать детей. Она столько выстрадала, молча переживая три выкидыша, что теперь воспринимает каждую беременность как вызов судьбе. Одного ребенка она потеряла практически сразу после рождения. Четыре брата и сестры, которых мне не довелось увидеть, стали жертвами врачебной ошибки. Им было от двух месяцев до четырех лет[8].

Мама родила меня дома, как и всех остальных детей, вытянувшись на циновке, обливаясь потом, мучаясь и моля Бога о том, чтобы Он защитил новорожденного младенца.

— Тебе потребовалось много времени, чтобы появиться на свет. Схватки начались поздно ночью, в два часа. Сами роды длились все утро и почти весь день, а ведь тогда было лето,

стояла невыносимая жара. Ты родилась в пятницу, в праздничный день, — иногда рассказывает мама, чтобы удовлетворить мое любопытство.

Но даже если бы я родилась в обычный будний день, это ничего бы не изменило. *Omma* даже не думала о том, чтобы ехать в больницу. Наша деревня, затаившаяся в глубине долины, находилась слишком далеко от каких-либо медицинских учреждений. Всего пять маленьких каменных домиков — ни мэрии, ни бакалеи, ни автомастерской, ни парикмахера. Даже мечети там нет! Добраться в деревню можно только верхом на муле. Лишь некоторые отчаянные водители грузовиков рискуют ездить по каменистой дороге, пролегающей по краю оврага, — из-за этого им приходится каждые два месяца менять колеса. А теперь представьте — как бы мама со схватками отправилась в больницу? Ей пришлось бы рожать под открытым небом! *Omma* говорит, что даже передвижные клиники не решаются заезжать в Кхарджи.

— Но кто же тогда помог тебе? — допытываюсь я, когда *Omma*, устав от моих бесконечных вопросов, забывает рассказать конец истории о моем рождении.

— К счастью, рядом была твоя старшая сестра Джамиля! Как и прежде, она помогла мне перерезать пуповину кухонным ножом, потом искупала тебя и запеленала. А дедушка Жад решил назвать тебя Нуджуд. Говорят, что это бедуинское имя.

— *Omma*, скажи, я родилась в июне или в июле? Или в августе?

В этот момент мама обычно начинает злиться.

— Нуджуд, когда же ты прекратишь задавать столько вопросов? — раздраженно отзывается она, чтобы наконец прекратить этот разговор.

На самом деле мама просто понятия не имеет, в каком месяце я родилась, потому что ни имя, ни фамилия новорожденной Нуджуд Али не были занесены в официальные документы. В провинции таких детей пруд пруди. Что касается года рождения, кто знает? Мама считает, что мне уже около десяти лет. Но может быть и восемь, и девять… Иногда мое упрямство переходит все границы, она сдается и начинает высчитывать, пытаясь разобраться, в каком порядке ее дети появлялись на свет. При этом она ориентируется по временам года, смертям стариков, свадьбам родственников и нашим переездам. Настоящая гимнастика для ума!

Закончив с подсчетами (думаю, в магазине все рассчитать и то не так сложно!), она каждый раз определяет, что Джамиля у нас самая старшая. После нее идет Мохаммед — первый сын и

«второй мужчина» в доме, который имеет право голоса после отца. Потом родилась скрытная Мона и непокорный Фарес. Затем я, а после меня — моя любимица Хайфа, она почти такого же роста. Следом — Морад, Абдо, Ассиль, Кхалед и, наконец, Раудха, наша кудрявая малышка. Что касается Доулы, моей «тети», второй жены моего отца, которая к тому же является его дальней родственницей, то у нее пятеро детей.

— Мама у нас настоящая курица-несушка! — часто смеется Мона, когда хочет приласкаться к *Omma*. Я помню, как несколько раз просыпалась утром и обнаруживала в своей кровати нового братика или сестричку, о которых надо заботиться! Мама никогда не остановится…

Omma помнит, как однажды к нам пришла женщина из ассоциации «Планирование семьи». Она прописала маме таблетки, которые нужно принимать, чтобы избежать беременности, — мама так и сделала, правда, иногда она про них забывала. А месяц спустя, к своему великому удивлению, обнаружила, что у нее снова растет живот. Поэтому мама сказала себе, что так устроена жизнь и иногда мы ничего не можем сделать с природой.

* * *

Деревне Кхарджи очень подходит такое название. На арабском языке это означает «снаружи». Иначе говоря — на другом конце света. Большинство географов не утруждают себя нанесением на карту настолько маленького местечка. Гораздо проще сказать, что Кхарджи находится недалеко от Хайи (Хадджа), довольно известного города на северо-западе Йемена. Чтобы из столицы добраться до нашего затерянного поселения, нужно четыре часа ехать по асфальтированному шоссе, а потом столько же — по песку и камням. Когда мои братья утром отправляются в школу, расположенную в самой большой деревне нашей долины, на дорогу у них уходит целых два часа. Отец заранее позаботился о том, чтобы они получили образование. Но, как глава семьи и наш защитник, он полагал, что девочки слишком слабы и беззащитны, чтобы в одиночку ходить в школу по почти безлюдным дорогам, где за каждым кактусом таится опасность. Впрочем, отец с матерью не умеют ни читать, ни писать и думают, что дети тоже прекрасно без этого проживут[9].

Поэтому я воспитывалась в школе полей: наблюдала за тем, как *Omma* хлопочет по хозяйству, топала ножками, глядя вслед Джамиле и Моне, которые с желтыми канистрами отправлялись

за водой к источнику и пока не брали меня с собой. Климат в Йемене ужасно сухой: нужно выпивать несколько литров жидкости в день, чтобы не допустить обезвоживания. Как только я научилась ходить, река стала для меня одним из самых любимых мест. Протекая в нескольких метрах от дома, она очень облегчала нашу жизнь. В ее чистой, прозрачной воде мама стирала белье и чистила кастрюли после каждого приема пищи. По утрам, после того как мужчины отправлялись в поля, женщины шли к реке, чтобы помыться в тени высоких деревьев. Когда налетала буря, мы бежали домой, чтобы спрятаться от молний и дождя. Но стоило солнечным лучам пробиться сквозь тучи, как все снова бежали к реке, вода в которой порой доходила мне до шеи. Чтобы она не вышла из берегов, братья иногда возводили невысокие дамбы и таким образом преграждали ей путь. Как нам было весело!

* * *

Вернувшись из школы, мальчики собирали хворост, чтобы разжечь огонь в *tandour*, традиционной печи, в которой пекли *khobz*, наш йеменский хлеб. Мои сестры — настоящие искусницы, когда дело доходит до приготовления этих хрустящих лепешек. Иногда мы поливаем их медом, «золотом Йемена», как называют его взрослые. В нашем регионе производят особенно вкусный и поэтому широко известный мед; у моего отца есть несколько ульев, за которыми он ухаживает с удивительной нежностью. А *Omma* постоянно твердит, что мед очень полезен для здоровья, он наполняет нас энергией.

Вечером, во время ужина, мы традиционно рассаживались вокруг *sofrah*[10], скатерти, расстеленной прямо на полу. Вот мама ставит в центр большую кастрюлю, полную горячего *salta* — рагу из говядины или баранины с ароматными травами[11], — и мы принимаемся торопливо выуживать оттуда кусочки мяса и рис, которые быстро исчезают во рту. Подражая родителям, мы научились есть руками из одной посуды. Ни тарелок, ни вилок, ни ножей. Именно так едят в йеменских деревнях.

* * *

Время от времени *Omma* брала нас собой на «субботний базар», который каждую неделю устраивали в центре долины. Мы всегда ждали этого с большим нетерпением. Добираться туда

приходилось верхом на осле, запасясь едой на несколько дней. Если солнце светило особенно сильно, мама надевала соломенную шляпку поверх черного платка, скрывавшего большую часть ее лица, и становилась похожей на подсолнух.

* * *

Мы жили, подчиняясь солнечному ритму, и были счастливы. Простая, тихая жизнь, без электричества, без водопровода. Укрытый кустами туалет представлял собой обложенную кирпичами дырку в земле. Как только на долину опускалась ночь, главная комната нашего дома, украшенная всего лишь несколькими подушками, превращалась в спальню. Чтобы пройти из одной комнаты в другую, приходилось идти через двор. Летом именно он становился центром жизни и переделывался сообразно семейным нуждам. *Omma* обустраивала кухню на открытом воздухе, где помешивала томящееся на огне *salta* и одновременно кормила грудью малыша. Братья повторяли школьные уроки, а сестры отдыхали от жары на соломенных подстилках.

* * *

Папу мы редко видели дома. Он вставал с первыми лучами солнца и отправлялся пасти стадо. Ему принадлежали восемьдесят баранов и четыре коровы. Молока, которое давали последние, хватало и на масло, и на йогурт, и на творог. Отправляясь в гости к соседям, отец никогда не выходил из дома без коричневого пиджака (у нас он называется *zanna*) и заткнутого за пояс *jambia*. Говорят, что в йеменском обществе этот заботливо заточенный и украшенный вручную кинжал является символом власти, мужественности и авторитета. Действительно, с ним отец выглядел более уверенно и представительно, а роскошное убранство рукояти никогда не оставалось незамеченным. Я гордилась своим *Aba*, Позже я поняла, что *jambia* — это скорее парадное оружие. Большей чести удостаивается тот, чей кинжал красивее. Цена зависит от того, из чего сделана рукоятка: из пластика, слоновой кости или рога носорога. По законам нашего племени кинжал запрещено использовать для защиты или для нападения во время ссоры. Наоборот, *jambia* может послужить инструментом разрешения конфликта. Ведь это в первую очередь символ племенного правосудия. Отец не думал, что ему когда-то придется использовать кинжал — до того самого

дня, когда нашей семье приказали покинуть деревню за двадцать четыре часа.

* * *

Мне было два или три года, когда разразился скандал. *Отта*, против обыкновения, отправилась в Сану, столицу Йемена, из-за проблем со здоровьем. Причина, по которой против нас ополчились все жители деревни, была как-то связана с отъездом матери, но в тот момент я слабо понимала, что происходит вокруг. В разговорах часто упоминалось имя Моны, второй дочери отца. В конце концов рассудить противников решили по обычаю племени, то есть положив между ними кинжалы и пачки риалов. Но ссора не утихла, и острые лезвия покинули свои ножны. Жители деревни обвиняли нашу семью в том, что мы запятнали честь Кхарджи и опорочили репутацию селения. Отец был вне себя от гнева. Он чувствовал себя одураченным и оскорбленным теми, кого считал своими друзьями. Мону выдали замуж буквально на следующий день. В то время ей едва исполнилось тринадцать лет. Что же произошло на самом деле? Я была слишком маленькой, чтобы понять. Но однажды я обязательно все узнаю. Нам пришлось уезжать второпях, оставляя позади все — баранов, коров, кур, пчел — и забирая с собой лишь воспоминания о том, что казалось мне раем на земле.

* * *

Переезд в Сану дался нам довольно тяжело. После тихой Кхарджи было трудно привыкнуть к пыльной, шумной столице.

Огромная разница между зеленой долиной Вади Ла'а и засушливым многолюдным городом была видна сразу. Старинный центр с красивыми глиняными домами в традиционном стиле, окна которых выкрашены белой краской, остался позади. На смену ему пришел суровый урбанистический пейзаж, представляющий собой путаницу грубых и бездушных бетонных зданий. Из-за моего маленького роста выхлопные трубы проезжающих мимо автомобилей находились примерно на уровне лица, поэтому от паров бензина постоянно першило в горле. Крайне редко нам попадались муниципальные парки, где можно походить по траве и размять ноги. Чтобы попасть в большую часть парков с аттракционами, нужно было платить деньги, поэтому там развлекались только богачи.

Мы переехали в трущобы, прилегающие к кварталу Аль-Ка. Квартира находилась на первом этаже, так что до заваленной мусором и отбросами улицы в буквальном смысле рукой подать. *Aba* был подавлен. Он почти все время молчал, потерял аппетит. Как простой крестьянин без образования, не умеющий лаже читать, может прокормить семью в столице, которая и так уже стонет под наплывом безработных? Множество людей из деревни пытались обосноваться в городе, но все они столкнулись с огромными трудностями. Некоторые дошли до того, что отправили своих жен и детей просить милостыню на улицах Саны. Однако отец не собирался быстро сдаваться: он обивал пороги разных учреждений, пока наконец не получил место дворника в местном муниципалитете. Его заработка едва хватало на то, чтобы платить за жилье. Стоило хотя бы на день задержать ежемесячную оплату, как хозяин квартиры тут же начинал злиться и кричать. Мама часто плакала, но никто не мог помочь ее горю.

Когда Фаресу, моему второму старшему брату, исполнилось двенадцать лет, у него появились потребности, свойственные всем мальчикам его возраста. Каждый день он требовал у родителей деньги на конфеты, модные штаны и новые ботинки, которые видел на рекламных плакатах. Порой эти вещи стоили больше, чем отец получал за месяц работы! В силу своего буйного юношеского характера, Фарес с каждым разом просил все больше и больше. Иногда он даже обещал родителям, что сбежит из дома, если они не будут потакать его капризам. Но, несмотря на это, он был моим любимым братом. По крайней мере, Фарес не лупил меня, как старший, Мохаммед, который считал себя самым главным после отца. Я восхищалась целеустремленностью Фареса, его упрямством, тем, как смело он бросает вызов всему миру, не заботясь о том, что подумают окружающие. Он делал выбор и не отступался от него. В конце концов брат восстановил против себя всю семью. Однажды, после очередной ссоры с отцом, он ушел из дома, и больше мы его не видели.

Вскоре после этого я первый раз в жизни видела, как *Aba* плачет. Всего несколько слезинок, в которых было столько горя! Чтобы успокоить сердце, отец стал надолго уходить из дома. Все дни напролет он жевал листья ката в компании своих старых знакомых. Из-за этого папа вскоре потерял работу. *Omma* начали сниться кошмары. По ночам — мы все спали в главной комнате на небольших матрасах, которые клали прямо на пол, — меня часто будили ее рыдания. Мама страдала, и мы все это видели.

* * *

На память от Фареса не осталось почти ничего, кроме цветной фотографии на удостоверение личности. Мохаммед хранил ее на дне своего портфеля, как драгоценное сокровище. Пропавший без вести брат на снимке был как живой: голову держит прямо, белый тюрбан плотно сидит на каштановых кудрях. Фарес явно хотел казаться взрослее, чем есть на самом деле, но глаза, устремленные в объектив, все еще полны озорства и лукавства.

Прошло два года с момента его побега, и вдруг в квартире раздался неожиданный телефонный звонок.

— Саудовская Аравия… У меня все хорошо… Пастух… Работаю пастухом… Не волнуйтесь за меня… — доносилось с того конца телефонного провода.

У брата начал ломаться голос, но я все равно его сразу узнала. Казалось, он стал еще более уверенным в себе. Трубка вскоре наполнилась помехами, на смену которым пришла тишина. Как Фарес оказался так далеко? В каком конкретно городе он остановился? Неужели он долетел туда на самолете, прямо сквозь облака? И где вообще находится эта Саудовская Аравия? Есть ли там море? Множество вопросов гудело в моей голове. Услышав обрывок разговора между родителями и Мохаммедом, я поняла, что Фарес стал жертвой торговли детьми[12]. В Йемене это происходит довольно часто. Значит ли это, что у него теперь появились приемные родители? Наверное, теперь брат наконец счастлив и может купить себе конфеты и джинсы, о которых так мечтал. Но мне его ужасно не хватает…

* * *

Чтобы как-то заполнить пустоту после ухода Фареса, я замкнулась в своих мечтах. Мечтах о воде! Не о реке, а об океане… Я всегда хотела быть черепашкой, чтобы плавать под водой. Я никогда не видела моря. Цветными карандашами рисовала волны в своем маленьком блокноте, изображая их синими или зелеными.

— Они синие! — однажды поправила меня моя подруга Малак, взглянув через плечо на рисунок.

Мы с Малак были неразлучными друзьями. Я познакомилась с ней в школе, расположенной в нашем квартале, куда родители в конце концов согласились меня отдать. Во время перемены мы часто играли в шарики. Из семидесяти учениц — в нашем классе были только девочки — она была моей лучшей подругой. Я успешно отучилась первый гол в школе и совсем недавно перешла

во второй класс. По утрам Малак заходила за мной перед уроками, и мы вместе шли на занятия.

— Откуда ты знаешь?

— На каникулах мы с родителями ездили в Хадейду. Там я видела море, — ответила Малак.

— Какое оно на вкус?

— Соленое!

— Песок тоже голубой?

— Нет, ты что, он желтый! И такой мягкий, ты себе не представляешь…

— А что ты видела в море?

— Корабли, рыбок, людей, которые там купались…

Малак сказала, что в Хадейде она научилась плавать. Я слушала ее с открытым ртом, потому что ни разу не была даже в бассейне. Подруга пыталась объяснить, как научиться держаться на воде, но для меня это так и осталось тайной. Помню, как в Кхарджи, стоило только подойти к реке, *Omma* тут же начинала кричать:

— Осторожнее, Нуджуд, упадешь в воду — сразу утонешь!

Малак рассказывала, что мама купила ей красивый разноцветный купальник. На море она научилась строить замки из песка, с башенками и большими лестницами, которые быстро исчезали в волнах. Однажды подруга приложила к моему уху большую ракушку, привезенную из Хадейды.

— Прислушайся — и ты услышишь шум моря.

— Волны! Я слышу, как шумят волны! Невероятно! — воскликнула я.

* * *

Для меня вода — это прежде всего дождь, который в последние годы радует Йемен все реже. Но однажды в самый разгар лета пошел град. И это было так здорово! Мы с братьями и сестрами выбежали на улицу и принялись собирать маленькие льдинки в тазик. Я гордо их пересчитывала, потому что в школе научилась считать от одного до ста. После того как град растаял, мы брызгали друг на друга прохладной водой, чтобы освежиться. Мона, которая с момента переезда в Сану стала ворчливой и раздражительной, в подобных исключительных случаях даже веселилась вместе с нами. Она приехала через два месяца после нашего бегства из Кхарджи, вместе с супругом, в спешке вошедшим в ее жизнь.

Со временем к Моне стали возвращаться ее привычная

улыбка, лукавый взгляд и чувство юмора, которое так часто раздражало *Omma*. Моя сестра выносила двух очаровательных детей, Мониру и Нассера, и буквально светилась от счастья, когда держала их на руках. Наша семья и семья ее мужа в конце концов даже сблизились. А для укрепления этого союза было решено женить Мохаммеда на одной из сестер моего деверя, в духе традиции *sighar*[13].

Казалось, что жизнь наладилась, но это было не так. И однажды муж Моны исчез из нашей жизни, причем одновременно с моей старшей сестрой Джамилей. Неужели они, как и Фарес, сбежали в Саудовскую Аравию, в надежде заработать много денег и привезти нам электронные игрушки? Или телевизор, который показывает цветные мультфильмы? Родители часто обсуждали между собой произошедшее, но детям было запрещено задавать какие-либо вопросы об этом. Помню, что после этого таинственного исчезновения, о причинах которого я узнаю гораздо позже, у Моны снова начались резкие перепады настроения. Большую часть времени она грустила и тосковала, а потом вдруг на нее нападало неудержимое веселье. Сестра начинала смеяться, и к ней возвращалась ее природная красота: большие темные глаза и нежные черты лица светились внутренним светом. Мона была очень симпатичной девушкой.

Но, независимо от настроения, ко мне сестра всегда относилась особенно ласково и даже покровительственно. Наверное, в ней говорил материнский инстинкт… Иногда Мона брала меня с собой разглядывать витрины на проспекте Хайл, известном своими роскошными магазинами одежды. Прижавшись носом к стеклу, я с завистью смотрела на расшитые блестками вечерние платья. Красные юбки, блузки из разноцветного шелка: алого, синего, фиолетового, желтого, зеленого… Я представляла, как превращаюсь в принцессу. На витрину также выставляли свадебные платья, которые были похожи на костюмы сказочных фей из заграничных фильмов. Невероятно прекрасные, они переполняли меня мечтами.

* * *

Однажды вечером, в феврале 2008 года, когда я только пришла из школы, *Aba* сообщил, что у него для меня есть хорошая новость.

— Нуджуд, скоро ты выйдешь замуж! — сказал он.

3. Разговор с судьей

Судья Абдо с трудом скрывает удивление:

— Ты хочешь развестись?

— Да!

— То есть… подожди, ты хочешь сказать, что ты замужем?

— Да!

У него тонкие черты лица; от белой рубашки смуглая кожа кажется более светлой. Но услышав мой ответ, судья темнеет — ему явно не верится, что я говорю правду.

— В твоем возрасте… Как ты можешь быть замужем?

— Хочу развестись! — решительно повторяю я, не обращая внимания на его вопросы.

Не знаю как, но мне удается сдержаться и не разрыдаться перед судьей. Словно весь запас слез уже закончился. Меня охватывает страшное волнение, но я твердо знаю, чего хочу. Навсегда избавиться от этого кошмара — и никаких больше страданий в тишине.

— Но ты ведь такая маленькая, такая хрупкая…

Качаю головой, не сводя глаз с судьи. Мужчина принимается нервно теребить усы. Только бы он согласился мне помочь! Ведь судья, в конце концов, обладает большой властью.

— А почему ты хочешь развестись? — Он снова начинает меня расспрашивать, на этот раз более спокойным тоном, словно пытается скрыть удивление.

Смотрю ему прямо в глаза:

— Потому что муж меня избивает!

Он дергается, будто я со всего размаху влепила ему пощечину. Лицо судьи каменеет. Он все-таки понимает: произошло нечто ужасное, и у меня нет никаких причин ему врать. Наконец собеседник напрямую задает мне чрезвычайно важный вопрос:

— Ты все еще девственница?

Я сглатываю подступивший к горлу комок. Стыдно говорить о таких вещах, это неприлично. В моей стране женщины должны держать дистанцию с незнакомыми мужчинами. А я этого судью вижу первый раз в жизни. Но в ту же секунду становится понятно: для того чтобы выбраться из ада, в который превратилась моя жизнь, нужно отбросить робость и стыд.

— Нет… у меня шла кровь…

Судья явно поражен. От меня не ускользает то, насколько его шокировали эти слова, хотя он и пытается скрыть свои чувства. Наконец мужчина глубоко вздыхает и решительно произносит:

— Я помогу тебе!

Наступает странное облегчение — хоть кому-то я смогла открыто во всем признаться. С моих плеч свалился тяжелый груз. Судья Абдо трясущейся рукой хватает телефонную трубку и обменивается парой замечаний с невидимым собеседником (наверняка со своим коллегой). В то же время его руки продолжают лихорадочно действовать. Он намерен покончить с этим кошмаром как можно скорее. Только бы все решилось в мою пользу! Если повезет, все произойдет быстро, очень быстро… и уже сегодня вечером я смогу вернуться в родительский дом, чтобы снова играть с братьями и сестрами. Через несколько часов будет оформлен развод. Развод! Ко мне вернется свобода. Никакого мужа. Никакого страха остаться ночью *с ним наедине*. И не нужно будет снова терпеть одну и ту же пытку…

Но я слишком рано радуюсь.

— Малышка, понимаешь, это может занять больше времени, чем ты ожидала. Дело очень щекотливое. И к сожалению, не могу гарантировать, что ты его выиграешь.

Второй судья, который вскоре к нам присоединился, окончательно разрушил мои надежды на быстрый успех. Его зовут Мохаммед аль-Гхази, и он выглядит очень смущенным. Господин Абдо объясняет мне, что это главный прокурор, начальник судей. И он утверждает, что за все время своей работы не сталкивался с подобным делом. Они в два голоса рассказывают мне, что в Йемене девочек очень часто выдают замуж до достижения пятнадцати лет, возраста, утвержденного законодательством[14]. «Это древний обычай», — добавляет судья Абдо. Но при огромном количестве преждевременных браков в стране не было еще ни одного такого развода, насколько он знает… потому что до сих пор еще ни одна маленькая девочка не дошла до суда. «Здесь затрагивается семейная честь», — говорят они. Эта проблема — из ряда вон выходящая… и очень сложная.

— Нам понадобится адвокат, — замечает растерянный Абдо.

Адвокат… но зачем? Зачем вообще нужен суд, если мне не могут сразу же дать развод? В этом случае нет ничего уникального. Законы нужны для того, чтобы помогать людям, разве не так? Эти судьи выглядят очень милыми, но они не понимают, что, если я вернусь домой без решения о разводе, муж придет за мной, и снова начнутся побои и издевательства. Нет, я не хочу возвращаться.

— Я хочу развестись!

Сердито хмурюсь, чтобы судьи наконец осознали — я не отступлюсь.

Эхо собственного голоса пугает меня. Наверное, я слишком

громко крикнула. Или все из-за высоких белых стен?

— Мы обязательно найдем выход, обязательно… — бормочет Мохаммед аль-Гхази, поправляя тюрбан.

* * *

Но возникает новая проблема. Время близится к двум часам дня, значит, скоро все закроется. Сегодня среда, то есть завтра наступают мусульманские выходные. И суд не откроется до субботы. Абдо и Мохаммед тоже переживают по поводу того, что мне придется идти домой.

— Не может быть и речи о том, чтобы она возвращалась к родителям. Да и кто знает, что случится с девочкой, если она будет идти одна по улицам, — размышляет вслух Мохаммед аль-Гхази.

Абдо приходит в голову идея: почему бы мне не укрыться у него дома? Страшное признание до сих пор не укладывается у судьи в голове, и он готов на все, чтобы вырвать меня из когтей мужа. Но Абдо быстро передумал, вспомнив, что жена и дети уехали за город на несколько дней и он остался дома совсем один. А по исламским традициям женщина не должна оставаться наедине с мужчиной, не являющимся ее *mahram*, то есть не связанным с ней родственными узами.

Что же делать?

На помощь приходит третий судья, Абдель Вахед. Его семья рядом, и в доме достаточно места, чтобы я смогла у них немного пожить. Это спасение! По крайней мере, на какое-то время. У господина Абделя тоже есть усы, но он не такой худой, как Абдо, более коренастый. Очки в железной оправе, деловито сидящие на носу судьи, придают ему чрезвычайно серьезный вид. В строгом костюме мужчина выглядит очень импозантно, и я немножко побаиваюсь с ним разговаривать. Но придется взять себя в руки и спрятать свою стеснительность в самый дальний уголок своей души — одним словом, сделать все, чтобы не возвращаться домой…

Успокаивает то, что Абдель с первых минут общения производит впечатление любящего отца, который заботится о своих детях. Не такого, как мой…

У него большая и очень удобная машина. Внутри чисто и свежо, из кондиционера дует холодный воздух, который приятно щекочет лицо. Так здорово. На протяжении всего пути к дому господина Абделя я почти все время молчу. Не знаю, в чем причина: может, стесняюсь или слишком переживаю, а может,

просто чувствую себя очень хорошо в присутствии взрослых, которые заботятся обо мне. Абдель Вахед первым нарушает молчание:

— Ты очень храбрая девочка! Браво! Ни о чем не волнуйся. Ты имеешь полное право требовать развода. Множество девочек сталкиваются с подобными проблемами, но, к несчастью, они не решаются говорить об этом вслух. Мы сделаем все возможное, чтобы не позволить тебе вернуться к мужу. Никогда! Обещаю!

Мои губы начинают медленно принимать форму полумесяца. Как давно я не улыбалась!

— Ты просто уникальная девочка! — продолжает нахваливать меня Абдель.

Я краснею.

Добравшись до дома, Абдель Вахед спешит представить меня жене Сабе и детям. Его дочь Шима моложе меня на три или четыре года. Ее комната буквально завалена куклами из серии «Fulla» — восточной версии американской Барби — с блестящими белокурыми локонами. О таких игрушках мечтают все девочки Йемена.

— *Haram*[15]!

Реакция Шимы на рассказ матери о том, что меня избивал злой господин, не может быть более естественной. Девочка старательно хмурит брови, подражая взрослым, когда они собираются кого-то отругать. Меня глубоко трогает ее сочувствие. Тепло улыбаясь, Шима зовет меня играть к себе в комнату, потом берет за руку.

Четыре мальчика (очевидно, братья Шимы) смотрят мультики. У судьи Абделя в доме два телевизора, какая роскошь!

— Чувствуй себя как дома, — ласково и радушно улыбается мне Саба.

Вот она какая, жизнь в семье… Опасения не оправдались, меня приняли как родную. Здесь так хорошо! Уверена, что теперь меня обязательно выслушают. И не осудят. И не накажут. Сегодня вечером, сидя по-турецки в гостиной, я впервые нашла в себе силы рассказать свою историю…

4. Свадьба

Февраль 2008 года

Когда я с Моной гуляла по проспекту Хайл, то не замечала, как летит время. Иногда мы так сильно прижимались мордашками к витрине любимого магазина, что вечерние платья исчезали за запотевшим перед нашими глазами стеклом. Можно было часами смотреть на белый свадебный наряд манекена. Настоящее бальное платье! Как сильно оно отличалось от черных покрывал, в которые кутались с головы до ног женщины на улицах.

— *Inch'Allah*[16], у тебя будет такое, когда наступит день свадьбы, — шептала Мона, не отрывая от витрины сверкающих глаз, обрамленных платком. Она всегда прятала за ним лицо, когда выходила из дома.

* * *

Мона редко улыбалась. Ей не довелось испытать радостей свадебной суматохи. Сестру выдавали замуж на скорую руку, так что единственной праздничной деталью стало голубое платье. О других обстоятельствах своего замужества Мона предпочитала молчать. С тех пор как ее муж неожиданно исчез в неизвестном направлении, я ни разу не слышала, чтобы она о нем говорила. Наверное, он уехал куда-то далеко от Йемена, но у меня хватало ума не расспрашивать родных о его судьбе. Мона не любила, когда к ней приставали по этому поводу. Сестра ограничивалась тем, что шептала мне на ушко: «Все, чего я тебе желаю, это быть счастливой и найти доброго и заботливого мужа».

Я и представить себе не могла, что этот день наступит так скоро.

* * *

Впрочем, я вообще слабо представляла себе, что такое замужество, и воображала, что на свадьбу обязательно устраивают большой праздник, с кучей подарков, шоколада и драгоценностей. Новый дом, новая жизнь! За несколько лет до этого мне довелось принять участие в некоторых церемониях, когда замуж выходили дальние родственницы. Помню, было

много музыки и танцев. Одетые в *balto* — праздничные черные одежды, — женщины двигались невероятно изящно. На лице — искусный макияж, волосы уложены в парикмахерской, совсем как у моделей, которые изображены на этикетках от шампуня. А у самых кокетливых челка была украшена маленькой заколкой в форме бабочки. На этих праздниках всегда было так весело! Помню, как руки и запястья молодоженов украшали узорами из хны, в основном используя цветочный орнамент. Это выглядело невероятно красиво. Я говорила себе, что однажды и мои руки будут украшены хной.

* * *

Папины слова прозвучали как гром среди ясного неба. Когда *Aba* объявил, что настал мой черед, я не сразу поняла, о чем он говорит. И вначале даже восприняла эту новость с некоторым облегчением, словно наконец-то появилась надежда на спасение: жизнь дома стала просто невыносимой. С тех пор как отец потерял работу в муниципалитете, он так и не смог устроиться на постоянную службу. Мы всегда были должны хозяину квартиры, который регулярно угрожал нас выселить.

Чтобы хоть как-то сэкономить, *Omma* готовила только рис и овощное рагу. Я стала учиться помогать ей по хозяйству. Мы вместе готовили *shafout*, большие блины, которые поливают ароматным йогуртом с луком и чесноком, и *bin al sahn*, восхитительный десерт с медом. Когда отец приносил домой достаточно денег, мама отправляла одного из братьев купить курицу, которую готовили специально для пятницы, священного дня недели по мусульманскому календарю. О мясе мы даже и не думали: оно стоило слишком дорого. Наверное, в последний раз я ела *fatah* — рагу из говядины — в ресторане, куда нас пригласили родственники, чтобы отметить Аид, конец рамадана. Тогда нам даже разрешили пить «Pepsi», черную газированную воду, которую привозят из Америки. А когда мы уходили, официант побрызгал мне на руки духами, совсем как взрослой. После этого ладошки пахли так здорово!

Omma также научила меня печь лепешки. Мама разжигала огонь, я тем временем месила тесто; потом мы вместе выкладывали плоские лепешки в форме полной луны на *tandour*, традиционную печь. Но однажды нам пришлось отдать *tandour* в обмен на несколько купонов с черного рынка. Каждый раз, когда деньги заканчивались, мама продавала что-то из своих вещей. Она уже перестала рассчитывать на отца.

А потом настал день, когда продавать было уже нечего. Чтобы заработать хоть немного денег на еду, братья присоединились к толпам маленьких бродячих продавцов. Они стучатся в окна машин, стоящих на светофоре, и за несколько монеток предлагают пассажирам упаковку жвачки или пачку бумажных салфеток. В конце концов Мона тоже стала одной из них. Но попрошайничество сыграло с ней злую шутку. Буквально через двадцать четыре часа сестру схватила полиция и отправила на несколько дней в специальное место для людей, совершивших глупости. Вернувшись домой, Мона рассказала, что там она встретила женщин, которых обвиняли в том, что они встречались с несколькими мужчинами сразу, и охранники в тюрьме таскали их за волосы. Оправившись от потрясения, Мона снова отправилась просить милостыню — и опять нос к носу столкнулась с полицией. После второго заключения сестра решила отказаться от этой рискованной затеи. Значит, пришла наша с Хайфой очередь идти на улицу. Взявшись за руки, мы тихо скребли ногтями по окнам машин, едва осмеливаясь смотреть в глаза водителям. Очень часто они делали вид, что не замечают двух бедно одетых девочек. Это был не лучший способ заработка, но у меня не было выбора.

* * *

В те дни, когда отец не залеживался в кровати допоздна, он вместе с другими безработными слонялся по главной площади квартала, в надежде устроиться хотя бы на один день чернорабочим, каменщиком или даже мальчиком на побегушках, чтобы заработать тысячу риалов[17]. А послеполуденные часы папа все чаще проводил у соседей, жуя кат. *Aba* говорил, что это помогает ему забыть о проблемах. Такое времяпрепровождение стало для отца своеобразным ритуалом. Сидя по-турецки вместе с другими мужчинами нашего квартала, он выбирал лучшие листья из маленькой пластиковой сумочки и один за другим отправлял их в рот. Чем меньше оставалось в сумке, тем больше раздувались его щеки. Листья в конце концов превращались в шар, который он пережевывал часами.

Именно во время одного из таких сеансов к папе подошел молодой тридцатилетний мужчина.

— Я хотел бы, чтобы наши семьи объединились, — сказал он.

Мужчину звали Фаез Али Тхамер, он работал курьером и развозил товары по домам на своем мотоцикле. Как и мы, Фаез родился и вырос в деревне Кхарджи, и теперь он искал себе жену.

Отец практически сразу принял его предложение. По логике вещей, отец собрался отдать замуж меня, ведь я самая старшая после Джамили и Моны. Когда *Aba* пришел домой, решение уже было принято и никто не мог его изменить.

В тот же вечер я стала свидетельницей странного разговора между отцом и Моной.

— Нуджуд еще слишком маленькая, чтобы выходить замуж, — резко произнесла сестра.

— Слишком маленькая? Когда пророк Мохаммед взял в жены Аишу, ей было всего девять[18], — ответил отец.

— Да, но то было во времена пророка. Теперь все изменилось, — настаивала Мона.

— Послушай, замужество — лучший способ ее защитить! — попытался успокоить сестру *Aba*.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. Это позволит ей избежать того, что случилось с тобой и Джамилей… Незнакомец не лишит ее чести, и о ней не станут распускать грязные сплетни… По крайней мере, этот мужчина похож на достойного, честного человека. В квартале его знают. Фаез приехал из нашей деревни. И он пообещал не прикасаться к Нуджуд, пока она не подрастет.

— Но…

— Я уже все решил! К тому же ты знаешь, что у нас недостаточно денег, чтобы прокормить такую большую семью. Так у нас будет одним голодным ртом меньше…

За все время разговора мама не произнесла ни слова. Решение отца ее опечалило, но она безропотно приняла его. Ее брак тоже устраивали родители, так происходит практически со всеми йеменскими девушками. И *Omma* хорошо усвоила, что в нашей стране женщины подчиняются, а мужчины отдают приказы. Поэтому, даже если бы она и встала на мою защиту, это все равно ничего бы не изменило.

* * *

Слова отца звенели в моей голове. Одним голодным ртом меньше… Получается, в его глазах я была только лишним грузом, и папа воспользовался первой подвернувшейся возможностью, чтобы от меня избавиться… Я, правда, не всегда была маленькой послушной девочкой, о которой он мечтал. Но ведь детям свойственно совершать глупости, такова их природа! А я любила отца, несмотря на все его недостатки, отвратительный запах ката,

несмотря на то, что он заставлял нас идти на улицу и выпрашивать у прохожих кусок хлеба.

«Избежать того, что случилось с тобой и Джамилей…» Что папа хотел этим сказать? Я знала лишь, что недели сменяли друг друга, а моя старшая сестра так и не возвращалась домой. Как и муж Моны, она исчезла внезапно. Джамиля часто приходила к нам в гости, перед тем как пропала. Скрытная и сдержанная от природы, сестра мало говорила, но всегда была заботливой и щедрой. Иногда она приносила мне сладости. О муже Моны также не было ничего слышно после его загадочного исчезновения. Куда же он уехал? Ребенку тяжело разобраться во всех этих взрослых историях…

После того как муж Моны исчез, его мать потребовала, чтобы ей отдали внуков, трехлетнюю Мониру и полуторагодовалого Нассера. Разлука с детьми разрывала сердце Моны, она была готова на все, чтобы не расставаться с ними, но добилась своего лишь отчасти. В конце концов ей удалось оставить у себя младшего — ему было необходимо грудное молоко. Страх потерять сына постоянно преследовал Мону, она ни на секунду не выпускала его из виду. Стоило Нассеру только отойти от матери, как она неслась за ним, хватала на руки и сжимала так, будто он — сокровище, которое необходимо как можно скорее спрятать.

* * *

Приготовления к свадьбе не заняли много времени. Я быстро поняла, что ничего хорошего от нее ждать не стоит. Семья моего мужа решила за месяц до церемонии, что мне не следует больше ходить в школу. С тяжелым сердцем я обняла Малак и пообещала ей, что скоро вернусь.

— Однажды мы вместе отправимся к морю и будем гулять по берегу, — прошептала подруга, уткнувшись носом мне в плечо.

Я еще не знала, что замужество лишит меня возможности вновь ее увидеть.

Мне также пришлось попрощаться с двумя любимыми учительницами — Самией и Самирой. Благодаря их урокам, я умею писать свое имя арабскими буквами, справа налево: сначала изгиб «*noun*», за ним — завиток «*jim*», петелька «*waou*» и уголок «*del*»: *Nojoud*! Нуджуд! Впереди еще столько всего интересного, а мне приходится все бросать…

Математика и уроки Корана были моими любимыми предметами. В классе мы старательно запоминали пять столпов ислама: *chadada*, или символ веры; пять ежедневных молитв; *had*,

повествующий о великом паломничестве в Мекку; *zakat*, то есть деньги, которые раздают в помощь самым бедным; а также рамадан, в течение которого мусульмане не должны ни есть, ни пить от рассвета до заката. Самия рассказывала, что когда мы вырастем, то тоже будем соблюдать рамадан.

Но больше всего мне нравились уроки рисования. При помощи цветных карандашей я изображала на бумаге фрукты и цветы. А еще виллы с голубыми крышами, зелеными ставнями на окнах и красными трубами. Перед воротами иногда были нарисованы охранники в форме. Говорят, что дома богатых людей обязательно охраняют солдаты с оружием. В саду вокруг вилл у меня всегда росли высокие фруктовые деревья, а в самом центре был маленький бассейн.

На переменах мы играли в прятки и рассказывали друг другу разные считалки. Я обожала школу. Она была настоящим укрытием от домашних бед, маленьким кусочком счастья.

* * *

Мне также пришлось забыть о походах к соседям, которые жили в нескольких метрах от нас. Они были счастливыми обладателями проигрывателя, и мы с Хайфой часто наведывались к ним, чтобы послушать записи Хайфы Вехбе и Нэнси Аджрам, ливанских певиц с роскошными длинными волосами и ярким макияжем. Огромные глаза, идеально прямой нос — настоящие красавицы! Мы часто развлекались, подражая им: кокетливо хлопали ресницами и трясли бедрами. Не уступала им в красоте и йеменская певица Джамиля Саад. «Ты так гордишься собой… Думаешь, что ты лучше всех…» — говорилось в одной из ее песен о любви.

Наших соседей в квартале считали редкими везунчиками — у них помимо проигрывателя был еще и телевизор. Благодаря ему я могла путешествовать. Можно было часами смотреть «Тома и Джерри» — это был мой любимый мультфильм — и «Путешествия Аднана и Лины», в которых рассказывалось о приключениях двух друзей в далекой азиатской стране. У них обоих были раскосые глаза, словно действие мультика происходит в Японии или Китае. Но больше всего удивляло то, что они говорят по-арабски так же хорошо, как я, совершенно без акцента! Аднан — смелый мальчик, который всегда готов прийти на помощь Лине. Он множество раз буквально вырывал героиню из лап злодеев, намеревавшихся ее похитить. Как же ей повезло! Временами мне очень хотелось оказаться на ее месте.

Когда я смотрела на Аднана, то всегда вспоминала Эймана, мальчика из квартала Аль-Ка, которого никогда не забуду. Однажды мы с друзьями шли по улице, и на углу нам преградил дорогу какой-то хулиган. Он кричал разные злые слова, очень похожие на оскорбления. Видимо, наши перепуганные мордашки его изрядно веселили, и мальчик время от времени заливался издевательским смехом. Тут, неожиданно для всех, Эйман вышел вперед и посмотрел хулигану прямо в глаза.

— Вали отсюда, а не то получишь камнем в лицо! — пригрозил он.

Перепуганный мальчишка побежал так, что пятки засверкали! Я вздохнула с облегчением. Это был первый и последний раз, когда кто-то встал на мою защиту. С тех пор Эйман стал моим воображаемым героем. Я часто мечтала о том, что, может быть, когда вырасту, мне посчастливится найти мужа, похожего на него.

* * *

— Ююююююююю!!!

Едва завидев меня, родственницы принялись неистово хлопать в ладоши. А я почти не различала их лиц, потому что слезы заливали глаза. Я медленно шла вперед, изо всех сил стараясь не запутаться в платье, которое было слишком большим и волочилось по земле. Буквально несколько минут назад меня наскоро нарядили в полинявшую тунику шоколадного цвета, принадлежавшую жене будущего деверя. Волосы были убраны под платок, который теперь больно сдавливал голову. Меня лишили даже такой маленькой радости, как возможность накрасить глаза тушью. Встретившись взглядом со своим отражением в маленьком зеркале, я разглядела круглые щеки и темно-карие, чуть раскосые глаза миндалевидной формы. Гладкий лоб, розовые губы. Сколько ни вертись, сколько лицо ни щупай — не найдешь ни одной морщинки. Я слишком молода.

С того момента, как отец договорился о моем замужестве, едва ли прошло больше двух недель. По местному обычаю, женщины устроили свой собственный праздник в крохотном жилище моих родителей. В квартиру набилось человек сорок — не протолкнуться. Мужчины тем временем собрались у одного из моих дядь, чтобы в очередной раз пожевать кат. Позавчера — опять же между мужчинами и при закрытых дверях — был заключен брачный договор. Ни я, ни мама, ни сестры не имели права лезть в их дела. Только благодаря младшим братьям, которых во второй половине дня отправили на улицу

попрошайничать, чтобы накормить *Aba*, его брата и моего мужа (он также прибыл со своим отцом и братом), мы узнали: что-то намечается. Собрание прошло по всем правилам племени. Будущий зять моего отца, единственный, кто умел читать и писать, исполнял обязанности нотариуса. Именно он занялся составлением договора. Было решено, что *dot*[19] повысят до ста пятидесяти тысяч риалов[20].

— Не волнуйся…

Вечером отец шепотом успокаивал мать:

— Не волнуйся, мы заставили его пообещать, что он не прикоснется к Нуджуд, пока не пройдет год с прихода ее первых месячных.

Я внутренне содрогнулась.

* * *

Свадьба началась в полдень. Не было никакого белого платья. Не было рыжих цветов хны на запястьях. Не было даже любимых конфет с кокосовой стружкой, наполненных вкусом счастливых дней. Несмотря на то, что торжеству уделили не так уж много времени, мне казалось, что это никогда не кончится. Я забилась в уголок и отказывалась присоединиться к танцующим женщинам. Было очевидно, что в моей жизни происходят большие перемены. И отнюдь не в лучшую сторону. Самые юные гостьи принялись выставлять напоказ пупок и колыхаться всем телом, совсем как в слащавых видеоклипах, исполняя танец живота. Старшие, взявшись за руки, кружились в традиционном народном танце, который так часто можно увидеть в деревнях Йемена. Когда музыка стихала, чтобы вскоре заиграть с новой силой, они подходили с поздравлениями, а я целовала их в ответ, как того требовали приличия. Но несмотря на все усилия, у меня не получалось хотя бы чуть-чуть растянуть губы в улыбке.

Я безучастно смотрела из своего угла на веселящихся гостей, лицо опухло от слез. Было невыносимо тоскливо от предстоящей разлуки с мамой и папой, братьями и сестрами. Я ужасно скучала по школе, и еще сильнее — по Малак. Мои глаза отыскали в толпе Хайфу. Было заметно, что младшей сестре не очень хочется веселиться. Ей тоже будет меня не хватать. Внезапно меня охватил страх: а что, если Хайфе уготована та же судьба?

На закате, когда гости разошлись, я задремала рядом с сестрой, прямо в своем поношенном свадебном наряде. Мама подсела к нам после того, как убралась в зале. Когда отец вернулся с мужского праздника, мы уже крепко спали. В

последнюю ночь незамужней жизни я не видела никаких снов. В голове маячил лишь один вопрос: закончится ли этот кошмар, когда наступит утро?

* * *

В шесть часов, когда солнечный свет затопил комнату, *Omma* разбудила меня и вывела в узкий коридор. Как и прежде, день начался с поклонения Богу и утренней молитвы. Потом мама подала еду: я медленно сжевала шарик *foul* из белой фасоли с луком и томатным соусом (это блюдо обычно подают на завтрак) и выпила чашку чая. У двери уже ждал небольшой узел с вещами, но я упорно делала вид, что не замечаю его. И только громкий автомобильный гудок, донесшийся с улицы, напомнил о начале новой жизни, полной неизвестности. Мама крепко-крепко прижала меня к себе, а потом помогла завернуться в черное покрывало и повязать черный платок. Все эти годы было достаточно маленького цветного лоскутка, который скрывал волосы. Иногда можно было им пренебречь, и никто не обращал на это внимания. Но сейчас я увидела, как *Omma* достает из узла черный *niqab*. Никогда прежде от меня не требовали, чтобы я целиком закутывалась в платок.

— С сегодняшнего дня ты должна обязательно надевать его, когда выходишь из дома. Теперь ты замужняя женщина. Твое лицо должен видеть только муж. Потому что отныне на кону его sharaf[21]. И ты ни в коем случае не должна ее запятнать.

Я грустно кивала, соглашаясь с мамой и обнимая ее в последний раз. Сердце жгла обида из-за того, что она согласилась отдать меня чужим людям. Но не находилось слов, чтобы выразить свою боль.

С заднего сиденья автомобиля, который ждал у входа, на меня пристально смотрел мужчина небольшого роста. Он был одет в белую тунику — такую носит *Aba*. Я заметила усы, взлохмаченные, короткие, слегка вьющиеся волосы, а потом — темные глаза, холодно поблескивавшие на плохо выбритом лице. Руки мужчины потемнели от машинной смазки. Он был отнюдь не красавцем. Значит, это и есть Фаез Али Тхамер, тот, кто решил сделать меня своей женой, незнакомец. Вполне возможно, что мы уже встречались в Кхарджи, где в последние годы наша семья появлялась всего несколько раз, но я его совершенно не помнила.

Меня посадили позади шофера, рядом с четырьмя другими пассажирками — среди них была невестка моего мужа. Вместо приветствия они едва смогли выдавить из себя улыбки и явно не

горели желанием поболтать. Сам незнакомец сидел во втором ряду со своим братом. Меня немного порадовал тот факт, что не придется смотреть ему в глаза, пока мы будем ехать, — впереди была долгая дорога. Но от его взгляда по спине бегали противные мурашки. Что это за человек? Почему он решил на мне жениться? Чего ждал от меня? И что такое вообще этот брак? На все эти вопросы у меня не было ответа.

Когда мотор зарычал и водитель нажал на педаль газа, по щекам вновь побежали слезы. Сердце билось так сильно, что становилось больно дышать. Прижавшись носом к стеклу, я смотрела на маму до тех пор, пока она не превратилась в маленькую точку, которая потом и вовсе исчезла…

* * *

За всю дорогу не было произнесено ни слова. Полностью уйдя в свои мысли, я думала только об одном: надо обязательно найти способ вернуться домой. Сбежать! Но чем дальше мы уезжали на север, прочь от Саны, тем было понятнее, что все мои попытки обречены на провал. Сколько раз я думала о том, чтобы сорвать черный *niqab*, под которым невозможно было дышать? Я чувствовала себя маленькой, слишком маленькой для всего, что со мной происходило. Для *niqab*, для долгой поездки, для расставания с родителями, для новой жизни с мужчиной, который внушал мне отвращение. Вдруг машина остановилась.

— Откройте багажник!

Резкий голос солдата заставил меня подпрыгнуть от неожиданности. Видимо, устав от слез, я в конце концов заснула. По дороге на север расставлено множество контрольно-пропускных пунктов, и это только первый из них. Говорят, что виной тому — бушующая в здешних провинциях война между государственной армией и взбунтовавшимися Хутхи[22]. Папа говорит, что Хутхи — шиита, в то время как большинство йеменцев — сунниты. В чем разница? Понятия не имею. Знаю лишь то, что я — мусульманка и должна молиться пять раз в день.

Бегло осмотрев кабину автомобиля, солдат разрешил нам ехать дальше. Если бы только я воспользовалась этим случаем, чтобы позвать на помощь, чтобы попросить его выручить меня! Ведь он одет в зеленую униформу, за плечом висит автомат — разве такие солдаты не должны обеспечивать порядок и безопасность йеменцев? Значит, можно было рассказать ему, что я не хотела уезжать из Саны, что боюсь умереть от тоски в

деревне, где совсем никого не знаю…

* * *

За время, проведенное в столице, мне удалось полюбить высокие здания, широкие проспекты и яркие рекламные щиты с нарисованными на них мобильными телефонами и оранжевой газировкой, которая пузырьками щекочет нёбо. Душный грязный воздух и бесконечные пробки стали частью моей жизни. Но больше всего в деревне будет не хватать Старого города — Баб-аль-Йемена — «ворот Йемена». Это — настоящий город в городе. Волшебное место, где было так здорово гулять, держа за руку Мону или Джамилю, и воображать себя искательницей приключений, открывающей новые земли! Отдельный маленький мир с глиняными домами и белыми лепными украшениями вокруг окон. Они были настолько тонкие и изящные, что навевали мысли об индийских архитекторах, которые, должно быть, побывали здесь задолго до моего рождения. В этом месте все казалось таким невероятным и волшебным, что я даже придумала историю о короле и королеве, проживших здесь множество счастливых дней. А может, им принадлежал весь Старый город?

Стоило только оказаться в Баб-аль-Йемене, как на нас обрушивалось море звуков: крики торговцев смешивались с потрескиванием старых кассет и завываниями босоногих попрошаек. На углу вас мог схватить за ногу чистильщик обуви и предложить свои услуги. А потом призыв к молитве внезапно перекрывал всю эту разноголосицу.

Я очень любила принюхиваться к запахам, наполнявшим улицы Баб-аль-Йемена, старалась различить пряные ароматы тмина, корицы, гвоздики, изюма, доносившиеся из многочисленных лавочек. Иногда приходилось вставать на носочки, чтобы получше разглядеть разложенное на слишком высоких для меня прилавках. Передо мной раскидывалось сказочное многообразие товаров: серебряные клинки *jambias*, искусно вышитые шали, ковры ручной работы, сладкие пирожки с пылу с жару, специи, хна и платья для девочек моего возраста.

В Баб-аль-Йемене мы иногда сталкивались с женщинами, кутавшимися в длинные разноцветные покрывала — *sitaras*[23]. Я развлекалась, называя их «дамами Старого города», потому что яркие одеяния этих незнакомок разительно отличались от черных платков, которые обычно носили на улице жительницы Йемена. Эти сами «дамы», казалось, принадлежали к другому времени[24].

Однажды в полдень, когда мы с тетей отправились за покупками, нас разлучила плотная толпа, заполнившая улицы Старого города. Сказочный мир Баб-аль-Йемена завораживал своими чудесами. Наконец я поняла, что заблудилась, и повернула назад, чтобы найти дорогу. Но вскоре обнаружилось, что все улочки похожи одна на другую. На следующей нужно свернуть направо? Или налево?

Окончательно растерявшись, я села на корточки и заплакала. После двух часов бесцельных блужданий по городу меня заметил продавец, знавший мою тетю.

— Нуджуд, когда же ты перестанешь витать в облаках! — закричала она, хватая меня за руку.

* * *

И сейчас, сидя на заднем сиденье машины, окруженная чужими людьми, я чувствовала себя потерянной, совсем как тогда. Но на этот раз меня окружал жестокий реальный мир. Не было магии пряных ароматов, гостеприимных улыбок продавцов, которые предлагали детям попробовать еще горячие пирожки. Жизнь двигалась в совершенно новом направлении, в мир взрослых, где нет места детским грезам, где у всех на лицах застыли неподвижные маски и никому не было до меня дела.

* * *

Столица осталась позади. Вскоре дорога превратилась в длинную черную ленту, обвивающую холмы и долины. На каждом повороте я крепко цеплялась за ручку сиденья. Желудок поднимался куда-то к горлу, а потом противно скручивался. Несколько раз приходилось изо всех сил сжиматься, чтобы удержать внутри его содержимое. Лучше умереть, чем просить мужа остановиться на обочине и дать мне подышать свежим воздухом. Чтобы сдержаться, я медленно сглатывала слюну, стараясь это делать как можно тише.

Пытаясь отвлечься от грустных мыслей, которые неизменно возникали в голове, стоило только взглянуть на своих спутников, я решила поиграть в игру: надо смотреть в окно и замечать мельчайшие детали пейзажа. Старые разрушенные крепости, примостившиеся у подножия гор. Темно-коричневые домики с белыми окнами, которые напомнили о Баб-аль-Йемене. Кактусы, растущие по обочинам дороги. Пересохшие ущелья чередовались

с зелеными долинами, где щипали траву задумчивые козы. И коровы. Женщины с лицами, скрытыми за темными платками. Кажется, я заметила двух раздавленных машинами кошек, но успела закрыть глаза прежде, чем эта картинка отпечаталась у меня в памяти. Когда я их открыла, нас уже окружал бескрайний океан ката. Слева, справа — зеленые волны, до самого горизонта. Поле выглядело великолепно и дышало невероятной свежестью!

— *Qat*, трагедия нашей страны… Ему требуется столько воды, что мы все в конце концов сдохнем от жажды![25] — воскликнул шофер.

Как странно устроена жизнь, подумала я. Даже красивые вещи могут приносить вред. Лишь злые люди приносят горе… Это трудно понять…

Чуть подальше, справа от дороги, я заметила Кокабан, крошечную деревеньку из камня, на самой вершине холма. Помню, мы с родителями всегда проезжали мимо нее, когда я была маленькая и мы отправлялись на празднование Аида в другое селение. Говорят, что женщины Кокабана очень стройные и красивые, потому что им каждое утро приходится спускаться вниз для работы в полях. Час на спуск. Час на подъем. Настоящие спортивные упражнения! Сколько же сил и упорства нужно иметь! *Час на спуск, Час на подъем… Час на спуск. Час на подъем…*

* * *

Меня разбудило громкое рычание мотора. Сколько времени длился мой сон? Сколько километров осталось позади? Обо всем этом я не имела ни малейшего представления.

— И раз… и два… и три!

Позади машины толпилось полдюжины мужчин. Упершись руками в багажник, они изо всех сил толкали застрявший в яме автомобиль. Задыхаясь в облаке пыли, поднятой буксующими колесами, я пыталась рассмотреть табличку с названием сухой и бесплодной деревни, куда мы добрались. Арджом. Очевидно, мы оставили позади асфальтированное шоссе и ехали по разбитой каменистой сельской дороге, идущей вдоль обрыва, пока не завязли в глубокой канаве. Машина застряла намертво.

— Вам лучше развернуться! По этой дороге не проедешь, дальше только хуже, — посоветовал местный житель, чье лицо было закрыто красно-белой тканью.

— Но нам нужно добраться до Кхарджи! — воскликнул отчаявшийся водитель.

— На этой машине? Да вы шутите!

— И что же делать?

— Попробуйте доехать на осле.

— На осле?! Как вы себе это представляете? У нас в машине женщины, им будет тяжело…

— Послушайте, советую вам нанята одного паренька. Он часто возит народ туда-сюда, у него и специальные покрышки на машине стоят. Их приходится менять каждые два месяца — представляете, какая тут дорога!

Итак, было решено пересесть в другую машину. Пока взрослые перетаскивали багаж, я пользовалась минутами нежданного отдыха, чтобы размять ноги. Старалась дышать как можно глубже, чтобы наполнить легкие свежим горным воздухом. Было так жарко, что коричневое платье — оно все еще было на мне, под черным покрывалом, — неприятно липло к телу. Я подобрала подол, чтобы подойти к краю обрыва. Вади Ла'а! Внизу, далеко-далеко, была видна Вади Ла'а, долина, где находится моя родная деревня. Она ничуть не изменилась! Хотя я была слишком маленькой, когда мы уехали оттуда, поэтому нельзя сказать наверняка. Возможно, детские воспоминания смешались с впечатлениями от редких поездок в деревню с родителями. Или на них наложились образы с пожелтевших фотографий из старого альбома, который порой со слезами на глазах листал папа. Перед глазами внезапно возник любимый дедушка Жад. Когда он умер в прошлом году, я долго плакала и никак не могла успокоиться. Он всегда носил на голове белый тюрбан, длинная седеющая борода никак не сочеталась с густыми темно-коричневыми бровями. Иногда он сажал меня к себе на колени и со смехом «ронял» вниз, чтобы поймать в последнюю секунду. Я была уверена в том, что, даже если мир начнет рушиться, он придет мне на помощь и спасет. Но дедушка ушел из жизни слишком рано.

* * *

— Нуджуд! Нуджуд!

Я обернулась, не понимая, кто меня зовет. Голос совсем незнакомый. Непривычный тембр царапал слух и был совсем непохож на дедушкин — его я бы могла узнать с закрытыми глазами. Оказалось, что это муж обращается ко мне впервые с тех пор, как мы выехали из Саны. Почти не глядя в мою сторону, он объявил, что нам пора уезжать. Я кивнула и направилась к нашей новой «карете»: красно-белому пикапу марки «Тойота», практически целиком покрытому ржавчиной. Меня посадили

впереди, между закутанной в покрывало невесткой и другим шофером. Мужчины забрались назад, в открытый кузов, вместе с другими пассажирами, которым надо было добраться до Кхарджи.

— Держитесь крепче, будет трясти! — предупредил водитель.

Перед тем как тронуться, он включил приемник на максимальную громкость. Зазвучала народная мелодия, такая же трескучая и ржавая, как и его пикап. К переливам *oud*[26], сопровождавшим пение очень известного местного исполнителя Хуссейна Мохеба, вскоре прибавился стук камней, вылетавших из-под колес машины. Нас не просто трясло, нас кидало во все стороны! Несколько раз камни попадали в ветровое стекло. Вцепившись руками в ручку дверцы, я молилась о том, чтобы добраться до деревни целой и невредимой.

— Слушай музыку! Она поможет забыть о твоих страхах! — посоветовал водитель.

Если бы он только знал, что за страх живет в моей душе…

* * *

Долгие часы мы ехали в ритме завываний Хуссейна Мохеба. Я даже решила посчитать, сколько раз водитель перематывал кассету на начало… Создавалось впечатление, что музыка опьяняла его и давала мужество противостоять силам природы. Вцепившись в руль, словно всадник в уздечку лошади, и глядя прямо перед собой, он отважно проходил очередной крутой вираж извилистой дороги — словно знал наизусть все ее ловушки.

— Господь создал суровую природу, но людям, к счастью, он дал силы ее одолеть! — повторял шофер.

Ну да, думала я, если это правда, значит, Бог забыл о моем существовании.

Чем дальше мы продвигались в долину, тем сильнее ощущался комок в горле, мешавший дышать. Я устала. Меня мутило, хотелось есть и пить. Но больше всего меня мучил страх. Мозг отказывался придумывать новые игры, поэтому мысли все время возвращались к тому, что со мной произошло — и еще произойдет. По мере того как мы приближались к Вади Ла'а, будущее казалось все более и более неясным. Надежда на побег таяла с каждой минутой.

* * *

Кхарджи совсем не изменилась. Другой конец света… Несмотря на боль в спине от долгой поездки, я с любопытством осмотрела пять каменных домиков, маленькую речку, текущую через деревню, порадовалась пчелам, перелетающим с цветка на цветок, и прохладной зелени деревьев, простирающейся до горизонта. Я также заметила деревенских ребятишек, которые с желтыми канистрами шли за водой к источнику. На пороге одного из домов стояла женщина. Она явно ждала нас. Я сразу почувствовала холод в ее глазах. Она не подошла ко мне. Не обняла, не поцеловала — даже в щеку. Это была его мать. Моя свекровь. Старая и уродливая. Кожа у нее была морщинистая, как у ящерицы. Во рту не хватало двух передних зубов, да и остальные почернели и сгнили от кариеса и табака. Черно-серый платок покрывал ее волосы. Она махнула рукой, приказывая мне войти. В доме было темно, неуютно и практически пусто. Четыре комнаты, гостиная и крошечная кухня. Туалет — на улице, за кустами.

Забыв о манерах и правилах поведения, я с жадностью заглатывала рис и мясо, приготовленное *его* сестрами. У меня во рту не было ни кусочка с тех самых пор, как мы выехали из столицы. После ужина взрослые собрались пожевать *qat*. Опять! Вскоре к ним присоединились соседи. Сжавшись в углу, я молча наблюдала за ними. К великому удивлению, никого не смутило, что мне так мало лет. Позже я узнала, что женитьба на маленьких девочках — частое явление в провинции. «Если возьмешь в жену девочку девяти лет, то брак твой будет счастливым», — гласит старая пословица…

Взрослые тем временем вели неспешную беседу.

— В Сане все стало так дорого! — жаловалась сестра мужа.

— С завтрашнего дня начну приучать девочку к работе, — пообещала старая свекровь, не называя моего имени. — Надеюсь, она привезла с собой хоть какие-то деньги.

— Больше никаких детских капризов. Я ей покажу, что значит быть настоящей женщиной!

На закате, после того как гости разошлись но ломам, мне показали мою комнату. Помню, тогда я почувствовала облегчение. Наконец-то можно скинуть это коричневое платье, которое на мне с самого утра. Оно все пропиталось потом и стало плохо пахнуть. Как только дверь закрылась, я глубоко вздохнула и стала торопливо переодеваться в маленькую рубашку из красного хлопка, которую привезла из Саны, Она пахла домом, комнатами, где жгли *oud*[27]. Знакомый аромат помог мне успокоиться. Я осмотрелась: прямо на полу лежала длинная циновка — моя кровать. Рядом с ней стояла старая масляная

лампа, и отблески света плясали на стене. Мне даже не пришлось ее гасить, чтобы заснуть.

Наконец-то!

* * *

Как бы я хотела никогда не просыпаться… Когда дверь с грохотом распахнулась, я подскочила, решив, что это просто сильный ветер. Едва успев открыть глаза, я почувствовала, что ко мне прижимается чье-то потное волосатое тело. Лампа погасла, стало совсем темно. По телу побежала дрожь. Это был *он*! Я сразу узнала его по мерзкому запаху сигарет и ката. Какая вонь! Он пах, как животное! Не говоря ни слова, он стал тереться об меня.

— Прошу вас, оставьте меня в покое! — задыхаясь, взмолилась я.

— Ты моя жена! С сегодняшнего дня ты будешь мне подчиняться! Мы должны спать в одной кровати.

Уже через мгновение я вскочила, готовая бежать. Куда? Да какая разница! Нужно вырваться из этой западни. Он тоже вскочил. В темноте было видно, что дверь осталась приоткрытой. Сквозь щелку пробивался свет звезд и луны. Не раздумывая ни секунды, я бросилась во двор. Но он побежал за мной.

— На помощь! Помогите! — рыдала я.

Мой голос звенел в ночной тишине. Но в ответ не было слышно ни звука. Я бежала куда глаза глядят, пока хватало сил. Ворвалась в чью-то комнату, но успела выбраться из нее до того, как он меня схватил. Я не оборачивалась. Споткнулась обо что-то, наверное о кусок стекла, упала, попыталась подняться, чтобы снова бежать… Но крепкие руки схватили меня, сжали изо всех сил и потащили обратно в комнату, чтобы бросить на циновку. Не было сил шевелиться, меня будто парализовало.

— *Amma! Amma*![28] — звала я, надеясь, что меня спасут хотя бы из женской солидарности.

Никакого ответа. Я снова закричала:

— На помощь! Помогите!

Муж снял свою белую тунику. Я свернулась в клубок, чтобы хоть как-то защититься. Но он принялся стаскивать с меня рубашку, требуя, чтобы я разделась. Потом ощупал своими шершавыми руками мое тело, прижал свои губы к моим. Как же от него воняло… Смесь табака и лука.

— Отстаньте! Я все расскажу папе! — захныкала я, пытаясь уклониться.

— Ты можешь рассказывать своему отцу все, что угодно. Он

подписал брачный договор. Он дал согласие на брак.

— У вас нет права!

— Нуджуд, ты моя жена!

— На помощь! На помощь!

Фаез ухмыльнулся в темноте:

— Повторяю: ты моя жена. И ты должна делать то, что я скажу! Поняла?

Казалось, будто меня закрутил ураган и швыряет из стороны в сторону. Такое чувство, словно молния ударила — больше нет сил сопротивляться. Раскат хрома. Еще, потом еще и еще. Небо падало мне на голову. И тут я почувствовала страшное жжение внутри тела. Как будто меня прижгли каленым железом. Можно было надорвать голос — но никто не пришел бы мне на помощь. Было больно, очень больно, и я была один на один с этой болью.

— Ай! — завыла я на последнем дыхании.

И кажется, потеряла сознание.

5. Шада

9 апреля 2008 года

Прижав мобильный телефон к уху, Шада ходит туда-сюда по главному залу здания суда.

— Мы должны сделать все, чтобы вырвать Нуджуд из лап ее мужа! Нужно подключить прессу, ассоциации по защите женских прав… — кричит она в трубку перед тем, как закончить разговор и подойти ко мне. Шада садится на корточки, чтобы быть со мной одного роста. — Ничего не бойся, Нуджуд, я помогу тебе добиться развода!

Никто еще не уделял мне столько внимания и не переживал так за мою судьбу.

Шада — адвокат. Говорят, что она — один из главных адвокатов Йемена, борющихся за права женщин[29]. В нашей стране она очень известна. Шада такая красавица, что я глаз от нее отвести не могу. А еще она очень милая. Голос у нее немного резкий, и часто она говорит слишком быстро — потому что торопится. Аромат ее духов напоминает запах цветков жасмина. Я полюбила Шаду в тот самый миг, когда впервые ее увидела. В отличие от женщин моей семьи, она не скрывает своего лица, хотя в Йемене представительницы слабого пола довольно редко позволяют себе выходить из дома без *niqab*. Шада носит черное шелковое платье, а волосы покрывает цветным платком. Кожа у нее словно светится изнутри, а помада на губах делает ее похожей на даму из высшего общества (я видела таких по телевизору). Когда она надевает солнечные очки, то становится совсем как кинозвезда. По сравнению с черными покрывалами, неслышно скользящими по улицам города, она выглядит гостьей из другого мира!

— Со мной тебе нечего бояться, — говорит она, успокаивающе гладя меня по голове.

Стоило мне войти в зал, как Шада сразу кинулась навстречу. Когда закончились выходные и суд снова заработал, ей тут же рассказали о моем деле. Эта история очень сильно взволновала адвоката, она отменила все свои деловые встречи и попросила судью сообщить ей, как только я приду. Шада во что бы то ни стало хотела со мной встретиться.

— Скажи, пожалуйста, это ты та девочка, которая требует развода? — обратилась она ко мне во дворе перед зданием суда.

— Да, это я.

— Боже мой! Пойдем со мной, нам обязательно надо

поговорить…

* * *

За последние дни столько всего произошло, что у меня до сих пор голова идет кругом. Все выходные — в Йемене они выпадают на четверг и пятницу — судья Абдель Вахед и его жена относились ко мне с неожиданной мягкостью и доброжелательностью. Я могла брать любые игрушки, меня кормили вкусными блюдами, мыли в горячей воде и обнимали перед сном. Как настоящего ребенка! В доме даже разрешалось снимать покрывало замужней женщины (а свекровь постоянно заставляла меня его поправлять, стоило ему хоть чуть-чуть сползти). Как же здорово не бояться, что тебя могут в любой момент избить палкой, спокойно ложиться в кровать и не вскакивать при малейшем шорохе! Несмотря на всю заботу и ласку, я плохо спала. Казалось, что, стоит закрыть глаза, меня тут же подхватит ураган или снова хлопнет дверь… и войдет это чудовище. Меня по-прежнему трясет от страха и боли при воспоминании о нем! Судья Абдель Вахед говорит, что это нормально и потребуется немало времени, чтобы оправиться от происшедшего.

Возвращаться в реальный мир было тяжело, но необходимо. Утром в субботу меня отвезли обратно в суд. В девять часов мы уже сидели в кабинете с еще двумя судьями, Абдо и Мохаммедом аль-Гхази, которые ласково улыбнулись, приветствуя меня. Но потом Мохаммед аль-Гхази нахмурился, потому что должен был сообщить нам неприятную новость.

— По йеменским законам тебе будет очень трудно подать жалобу против отца и мужа, — говорит он.

— Но почему?

— Тебе еще очень мало лет… Это сложно объяснить.

Потом судья заговорил о других препятствиях. Подобно множеству детей, рожденных в деревне, у меня не было документов, удостоверяющих мою личность, и свидетельства о рождении. Я слишком маленькая, чтобы подавать судебный иск… Образованному человеку, такому как Мохаммед аль-Гхази, легко разобраться во всем этом, но мне многое непонятно. Тем не менее нужно думать о хорошем. Я убеждаю себя, что, по крайней мере, эти добрые судьи готовы мне помочь. Они могли бы спокойно проигнорировать мою просьбу и отправить домой, выполнять обязанности жены, — другие на их месте поступили бы именно так. Ведь брачный контракт был единодушно подписан всеми

мужчинами семьи, то есть по йеменским обычаям этот документ имеет юридическую силу.

— В данный момент, — продолжает Мохаммед аль-Гхази, обращаясь к своим коллегам, — мы должны действовать очень быстро. Предлагаю поместить отца и мужа Нуджуд в камеру предварительного заключения. Если мы хотим защитить девочку, то лучше им пока побыть в тюрьме.

В тюрьме?! Это очень суровое наказание. Простит ли отец такое? Когда судьи попросили сопровождать военного, который должен арестовать родных, чтобы показать ему наш дом, меня охватили стыд и чувство вины! Скорее всего, в семье решили, что я убежала из дома, как Фарес. Не хочу даже думать о том, что творилось с мамой, когда братья и сестры начали просить хлеба на завтрак! К тому же незадолго до моего побега отец тяжело заболел и начал кашлять кровью. Выживет ли он в тюрьме? Если *Aba* умрет, я себе этого никогда не прощу…

Но выбора не было. Если хорошие люди страдают, то злых надо наказывать — так объяснил мне Абдо. Поэтому я села в машину и стала показывать дорогу. Но когда мы приехали, дверь оказалась закрыта, дома никого не было. Я почувствовала внезапное облегчение. Через несколько часов военный снова отправился за отцом, но на этот раз один.

В тот же вечер было решено поместить меня в надежное место. В Йемене не существует специального учреждения, где могли бы укрыться такие девочки, как я. Дольше оставаться у Абделя Вахеда тоже было нельзя, он и так был слишком добр ко мне.

— У тебя есть любимый дядя? — спросил меня один из судей.

Любимый дядя? Я не задумываясь назвала маминого брата, дядю Шои. Большой, сильный, раньше он служил в йеменской армии, потом вышел в отставку. В нашей семье дядя Шои обладает значительным авторитетом. Вместе со своей семьей — у него две жены и семеро детей — он живет в Беит Босс (это другой квартал Саны, довольно далеко от Аль-Ки). Дядя ничего не сказал против моего замужества, это факт. Но он олицетворяет собой порядок и, по крайней мере, точно не бьет девочек.

Дядя Шои неразговорчив, и это очень здорово. Он не стал заваливать меня вопросами и почти сразу отправил играть со своими дочерьми. Вечером, перед тем как уснуть, я поблагодарила Бога за то, что дядя не стал упрекать меня за мой поступок и даже ничего не сказал о побеге из дома. В глубине души я понимала, что его вся эта история смущает даже больше, чем меня.

* * *

Следующие три дня показались мне очень длинными и практически одинаковыми. Большую часть времени я проводила в суде, надеясь на чудо и неожиданное решение. К сожалению, пока ничего нельзя было сказать наверняка. Судьи пообещали, что сделают все возможное для развода, но это займет много времени. Каждый день я возвращалась во двор, полный незнакомых людей, и в конце концов привыкла к гудящей толпе, которая сперва так меня поразила. На крыльце стояли одни и те же мальчишки, торгующие чаем и соком. Мальчик с весами постоянно был занят — он взвешивал посетителей, которым было некуда торопиться. Когда наши взгляды пересекались, на моем лице появлялась ободряющая улыбка. Тем не менее, переступая порог суда, я всякий раз чувствовала холодное покалывание в сердце. Сколько еще придется ходить сюда, пока я наконец не стану снова обычной маленькой девочкой? Абдо предупреждал: это дело — уникальный случай в их практике. Как поведут себя судьи в такой ситуации? У меня не было ни малейшего представления.

* * *

Но рядом появилась Шада, очаровательная женщина-адвокат в солнечных очках, и я поверила, что скоро получу ответы на все свои вопросы. Буквально через мгновение, бросив взгляд на часы, она уже листала ежедневник и перекраивала свое плотное расписание. Потом Шада принялась названивать близким, друзьям, коллегам… «Я должна заняться одним очень, очень важным делом», — раз за разом повторяла она. Казалось, эта женщина обладает неистощимыми запасами терпения! Абдель Вахед был прав. Шада действительно производила впечатление хорошего адвоката. И довольно влиятельного человека. Ее мобильный телефон не умолкает. Люди, с которыми мы сталкиваемся в суде, приветствуют женщину чрезвычайно вежливо.

— Нуджуд, ты стала мне как дочь! И я не позволю тебе проиграть! — шепчет она мне на ухо.

И я начинаю в это верить. У Шады нет причин врать. Рядом с ней мне хорошо, я чувствую себя в безопасности. Адвокат умеет находить нужные слова, а ее певучий голос успокаивает и гонит прочь тревогу и страх. Благодаря ей, ко мне возвращается вера в жизнь. Рядом с Шадой я впервые ощущаю материнскую нежность,

которую родная мама, слишком загруженная домашними делами, не смогла или не сумела мне дать.

Но в голове продолжает настойчиво вертеться один вопрос…

— Шада… — смущенно шепчу я.

— Что такое, Нуджуд?

— Можно я вас кое о чем попрошу?

— Конечно!

— Вы можете мне пообещать, что я никогда не вернусь к своему мужу?

— *Inch'Allah*, Нуджуд, все в руках Господа. Я сделаю все, чтобы не позволить ему снова причинить тебе боль. Все будет хорошо. Но…

— Но что?

— Ты должна быть сильной, девочка моя, потому что нам потребуется много времени…

— Сколько времени?

— Пока еще об этом рано думать. Говори себе, что самое страшное уже позади. Сложнее всего — найти в себе силы сбежать, а ты блестяще с этим справилась!

Видя, как я тяжело вздыхаю, Шада тихо улыбается и гладит меня по голове. Она такая взрослая — и при этом такая маленькая. На меня эта женщина произвела неизгладимое впечатление.

— А я могу кое о чем тебя спросить? — в свою очередь произносит Шада.

— Конечно…

— Как ты набралась мужества сбежать и направиться прямо в суд?

— Мужества? Я просто не могла больше выносить его жестокость… Больше не могла…

6. Побег

Жизнь в Кхарджи стала совсем невыносимой. Раздираемая стыдом и болью, я молча страдала. Те ужасные вещи, которые он заставлял меня делать, день за днем, ночь за ночью, — кому о них можно рассказать? С самого первого вечера было понятно, что жизнь уже никогда не будет прежней.

* * *

— *Mabrouk! Mabrouk*![30]

Уставившись на мое голое тело, свекровь хлопала меня по лицу, чтобы разбудить. Эта сцена до сих пор стоит перед глазами — как будто все произошло только вчера. Слабый свет раннего утра наполняет комнату. Где-то вдалеке кукарекает петух. За спиной свекрови стоит сестра мужа, та самая, которая вместе с нами ехала из Саны. Я до сих пор вся мокрая от пота. Оглядываюсь в замешательстве на царящий в комнате беспорядок. Масляная лампа докатилась до двери. Коричневое платье валяется на полу, как старая тряпка. Он тоже здесь, на циновке, храпит, как медведь. Ну и *wahesh* — ну и чудовище! А на скомканной простыне — маленькое пятнышко крови…

— *Mabrouk*! — вторит матери невестка.

Улыбаясь краем губ, она разглядывает кровь на простыне. Я молчу. Меня будто парализовало. Свекровь наклоняется и берег меня на руки, как мешок. Почему же она не пришла раньше, когда ее помощи так не хватало? Теперь в любом случае слишком поздно… Если только она не имеет никакого отношения к тому, что муж заставил меня вынести… Свекровь ногой открывает дверь и несет меня в ванную — узкую комнату, где стоит бак и ведро. Там она начинает поливать меня водой. Как же холодно!

— *Mabrouk*! — хором повторяют обе женщины.

С трудом воспринимаю их слова. Я чувствую себя маленькой, слишком маленькой. Не могу контролировать ни свое тело, ни свои действия. Снаружи холодно, но внутри все горит. Такое чувство, будто что-то испачкало меня там. Очень хочется пить. Я дрожу от ярости, но нет слов, чтобы ее выразить. *Omma*, почему ты так далеко и не можешь меня защитить? *Aba*, почему ты согласился на этот брак? Почему отдали именно меня? И почему никто не предупредил о том, что случится? Разве я все это заслужила?

Хочу домой!

Через несколько часов, когда *он* наконец проснулся и вышел из комнаты, я отвернулась, чтобы не встречаться с ним взглядом. Муж тяжело вздохнул, позавтракал и исчез на целый день. Забившись в угол, я молилась всемогущему Господу, чтобы Он пришел на помощь. Все тело раскалывалось от боли. При мысли о том, что до самой смерти придется жить рядом с этим чудовищем, меня охватывал невыносимый ужас. Западня… я попала в западню, из которой нет выхода…

* * *

Я должна была как можно скорее привыкнуть к правилам новой жизни. Нельзя покидать дом, ходить за водой к источнику, жаловаться, говорить «нет». Ни о какой школе и речи быть не могло. А между тем так хотелось снова сидеть за партой, слушать, как учительница рассказывает нам новые истории, или писать на большой черной доске белым мелом свое имя.

Родная деревня Кхарджи стала для меня совсем чужой. Целыми днями я сидела дома и выполняла указания свекрови: резала овощи, кормила кур, готовила чай для гостей, убиралась в комнатах, мыла посуду. Я часами оттирала почерневшие от жира кастрюли, но все напрасно — им невозможно было вернуть первоначальный цвет. Половые тряпки посерели от грязи и плохо пахли. Вокруг постоянно вились мухи. Стоило хоть на секунду отвлечься от дел, как свекровь тут же хватала меня за волосы своими сальными руками. В конце концов я стала такой же липкой и неопрятной, как кухня, где проходила большая часть дня. Мои ногти совсем почернели от грязи.

Однажды утром я попросилась выйти на улицу — поиграть с другими детьми.

— Ты что думаешь, на каникулы сюда приехала? — возмутилась свекровь.

— Ну пожалуйста, всего лишь несколько минут…

— Даже и не думай! Замужняя женщина не должна позволять себе общаться неизвестно с кем. Не хватало еще, чтобы ты запятнала честь нашей семьи. Тут не столица! В Кхарджи все всё видят, слышат и знают. Поэтому потрудись вести себя как подобает. И запомни хорошенько, что я сейчас сказала! Иначе мне придется поговорить с твоим мужем.

* * *

Мой муж… *он* уходил рано утром и возвращался перед закатом. Переступив порог родного дома, садился у *sofrah*, требовал, чтобы ему подавали ужин, и никогда не убирал за собой посуду. И всякий раз при виде его у меня внутри все переворачивалось от страха…

Я знала, что, как только стемнеет, все начнется сначала. Снова и снова. Снова жестокость. Снова огонь. Снова боль. Снова отчаяние. Хлопает дверь, масляная лампа падает на землю и катится к двери, покрывала летят в сторону… «*Ya beint*!» («Стой, девочка!») вот и все слова, что он произносил перед тем, как грубо наброситься на меня.

Он никогда не произносил моего имени.

* * *

Фаез начал бить меня на третий день. Муж не терпел даже малейшего неповиновения. Когда я попыталась помешать ему потушить лампу и лечь рядом со мной на циновку, он принялся меня избивать. Сначала руками. Потом палкой. Бил меня и швырял по комнате. А старуха его поддерживала.

— Надо ее еще сильнее бить! Она обязана тебе подчиняться! Она твоя жена! — без конца повторяла она своим хриплым голосом, когда он жаловался на мое поведение.

— *Ya beint*! — снова начинал Фаез, пытаясь меня схватить.

— Вы не имеете права! — рыдала я.

— Я уже устал от твоих жалоб. Я женился на тебе не для того, чтобы постоянно слушать твое нытье! — рычал он, обнажая крупные желтые зубы.

Ему доставляло удовольствие унижать меня при посторонних. Фаез был отвратителен. Я жила в постоянном страхе, ожидая новых ударов палкой и пощечин. Иногда доходило до того, что он бил меня кулаками. Каждый день появлялись новые синяки на спине, новые ссадины на руках. И рана внизу живота не давала покоя… Я чувствовала себя грязной. Когда в гости к свекрови приходили соседки, они постоянно шушукались и показывали на меня пальцем. О чем они между собой болтали?

* * *

При малейшей возможности я забивалась в угол, пытаясь спрятаться от всего мира. Зубы стучали от страха при мысли о том, что снова наступит ночь. Я чувствовала себя невыносимо

одинокой. Некому довериться, не с кем даже просто поговорить. Как же я их всех ненавидела! Эти люди были отвратительны! Неужели каждая замужняя женщина должна выносить такие же муки? Или только мне одной приходится терпеть подобные пытки? Я не испытывала ни малейшей любви к мужу. Интересно, а мои родители любили друг друга? С Фаезом мне удалось познать лишь истинный смысл слова «жестокость».

* * *

Так проходил день за днем. Десять, двадцать, тридцать… Сколько их было? Точно не помню. С каждым вечером становилось все труднее заснуть. Ночью, после того как он приходил и делал эти ужасные вещи, было невозможно успокоиться. Днем я клевала носом. Потерянная. Разбитая. Беспомощная. Чувство времени было утрачено. Мне ужасно не хватало Саны, школы, братьев и сестер. Было ужасно тоскливо без бесконечных выходок Абдо, проказ Морада, шуток Моны, считалок малышки Раудхи. Я все чаще думала о Хайфе и надеялась, что ее не выдадут замуж за жестокого незнакомца. Шли дни, и я стала постепенно забывать лица родных. Мне становилось все сложнее вспомнить цвет их кожи, форму носа, ямочки на щеках. Пришло время повидаться с семьей!

* * *

Каждое утро я с плачем умоляла отвезти меня назад, к родителям. Не было ни малейшей возможности с ними связаться. В Кхарджи понятия не имели об электричестве, что уж говорить о телефоне. Ни самолетов в небе, ни автобусов. Даже машины приезжают примерно раз в месяц. Я могла бы отправить родителям письмо, но, к несчастью, не умела писать ничего, кроме своего имени и еще нескольких простых слов. Нужно вернуться в Сану. Любой ценой. Хочу вернуться домой!

Убежать? Я думала об этом множество раз. Но куда идти? В деревне не было ни одного знакомого. Значит, спрятаться негде, а уж просить кого-нибудь увезти меня отсюда на осле… это даже в мыслях звучит глупо… Кхарджи, моя родная деревня, стала моей тюрьмой.

* * *

Однажды утром, доведенный моими бесконечными рыданиями, он объявил, что разрешает мне повидать родителей. Наконец-то! Муж сказал, что поедет со мной и остановится у своего брата. Но потом — Фаез особенно подчеркнул это — мы должны будем вернуться. Я бросилась собирать вещи, пока он не передумал.

Обратная дорога показалась мне короче, чем путь в Кхарджи. Тем не менее каждый раз, стоило задремать, перед глазами возникали все те же кошмарные картины: пятно крови на простыне, лицо свекрови, склонившейся надо мной, темная комната с ведром воды… Я рывком просыпалась с одной только мыслью: «Нет! Ни за что туда не вернусь. Никогда не вернусь в эту деревню. Никогда!»

* * *

— Не может быть и речи о том, чтобы ты ушла от мужа!

Я никак не ожидала от папы подобной реакции. Но он твердо стоял на своем. Его решение мгновенно отравило всю радость от возвращения домой. Мама не спорила с отцом, она лишь изредка поднимала руки к небу и шептала:.

— Так устроен мир, Нуджуд. Все женщины должны через это пройти. Каждая из нас пережила подобное в начале замужества…

Но почему мама раньше об этом не говорила? Почему не предупредила? Теперь, когда подписан брачный договор, я в западне, откуда нет пути назад… Все рассказы родителям о том, что мне приходилось выносить в доме мужа: о побоях, о том, что происходило каждую ночь, обо всех тех ужасных постыдных вещах, — были напрасными. Мне было тяжело признаться в этом, а они лишь повторяли, что мой долг — оставаться рядом с мужем.

— Я не люблю его! Он меня бьет. Фаез заставляет делать отвратительные вещи, от которых тошнит. Он злой, он издевается надо мной! — настаивала я.

— Нуджуд, ты теперь замужняя женщина. И должна жить со своим мужем! — твердил отец.

— Но я не могу! Хочу вернуться домой! К вам!

— Это невозможно, — отрезал *Aba*.

— Ну пожалуйста! Пожалуйста…

— Это вопрос *sharaf*, вопрос чести, слышишь?

— Но…

— Ты должна слушать, что я тебе говорю!

— *Aba*, я…

— Если ты разведешься с мужем, мои братья убьют меня! *Sharaf*, честь семьи прежде всего! Честь! Понимаешь?

Нет, я не понимала и не могла понять. Раньше только он причинял мне боль, а теперь семья, моя собственная семья встала на его защиту. И все это ради… Ради чего? Чести! Да что вообще означает это слово, которое они без конца употребляют? Я совсем запуталась.

Хайфа наблюдала за происходящим круглыми глазами и понимала еще меньше. Увидев заплаканную старшую сестру, она сразу же взяла мою руку в свои. Так она старалась меня поддержать, хотя и не знала, что случилось. Внезапно в голову снова пришла ужасная мысль о том, что ее тоже могут выдать замуж! Хайфу, мою маленькую сестричку… Надеюсь, что этого не случится!

Мона попыталась встать на мою защиту. Но природная стеснительность сестры сыграла с ней злую шутку. Да и в любом случае, разве ее стали бы слушать? В нашем мире последнее слово всегда остается за мужчинами. Бедная Мона! Я поняла, что если хочу выбраться из этого ада, то могу рассчитывать только на себя.

* * *

Время поджимало. Нужно придумать что-нибудь до того, как он придет за мной. Фаеза кое-как удалось уговорить, чтобы он позволил мне побыть у родителей еще чуть-чуть. Но в родном доме не было никакой надежды на спасение. «Нуджуд должна остаться со своим мужем», — твердил отец. Когда *Aba* не было рядом, я бежала к маме. Она плакала, говорила, что очень скучает по мне, но ничего не может сделать.

Меня не зря одолевали дурные предчувствия. На следующий день он пришел к родителям, чтобы напомнить о моем супружеском долге. Я пыталась сопротивляться. Тщетно. В конце концов был найден компромисс. Он согласился задержаться в Сане еще на несколько недель — при условии, что я уйду с ним и все это время буду жить у его дяди. Муж опасался, что я обязательно попытаюсь сбежать, если останусь у родителей. И снова кошмар длиною в месяц…

— Когда же ты наконец перестанешь ныть? Это начинает надоедать! — посетовал *он* однажды утром, потрясая кулаком и яростно сверкая глазами.

— Когда ты разрешишь мне вернуться к родителям? — воскликнула я, закрывая лицо руками.

Не в силах больше терпеть мое упрямство, Фаез согласился.
— Но это в последний раз, запомни, — предупредил *он*.

* * *

Дома я поняла, что осталось совсем мало времени. Если я хочу избавиться от этого мужчины и никогда не возвращаться в кошмар Кхарджи, то действовать надо немедленно. Прошло пять дней. Пять трудных дней, окруженных стеной непонимания. Ни отец, ни братья, ни дяди не хотели меня слушать.

Стучась во все двери в надежде найти человека, который меня пожалеет, я оказалась в доме Доулы, второй жены отца. Вместе с пятью детьми она жила в крошечной квартирке на первом этаже старой многоэтажки. Дом был расположен в глубине тупика, на другом конце нашей улицы. Одержимая страхом перед возвращением в Кхарджи, я поднялась по лестнице, зажимая нос, чтобы не чувствовать запах гниющих помоев, смешанный со зловонием экскрементов из общественных кабинок, предназначенных для обитателей дома. Одетая в красно-черное платье, Доула открыла дверь и встретила широкой улыбкой.

— *Ya*, Нуджуд! Не ожидала тебя увидеть. Проходи, чувствуй себя как дома! — сказала она.

Доула мне нравилась. У нее были смуглая кожа и длинные волосы, заплетенные в косу. Высокая и худая, Доула была красивее *Omma*. И никогда на меня не ругалась. Удивительно, откуда у нее было столько терпения! Нельзя сказать, что бедняжке хорошо жилось. Выданная замуж в двадцать лет — довольно поздно по здешним меркам — и практически заброшенная моим отцом, молодая женщина научилась рассчитывать только на себя. Ее старшая дочь, восьмилетняя Джахуа, была инвалидом от рождения и не могла ходить. Девочке требовался постоянный уход. Ее нервные срывы порой продолжались несколько часов. Ужасная бедность гнала Доулу на улицу, где ей приходилось побираться, чтобы заработать восемь тысяч риалов[31] на оплату квартиры и хлеб для детей. Но, несмотря на это, она всегда отличалась невероятной щедростью и добротой.

Доула пригласила меня сесть на большую соломенную кровать, занимавшую половину комнаты, рядом с маленькой печкой, на которой уже вовсю бурлила вода. Очень часто чай заменял детям Доулы молоко в бутылочках. Развешенные по стенам пластиковые сумки, которые она использовала, чтобы

хранить еду, были полупустыми.

— Нуджуд, девочка моя, у тебя очень обеспокоенный вид, — нахмурилась Доула.

Я знала, что она была одним из немногих членов семьи, выступивших против моего брака, но никто не захотел ее слушать. Хотя жизнь обошлась с Доулой очень сурово, в ее сердце всегда находилась жалость к тем, кому пришлось еще хуже. Я чувствовала, что могу ей довериться и рассказать всю правду.

— Мне о многом надо с тобой поговорить… — пробормотала я.

И открыла ей то, что лежало у меня на сердце…

Чем дольше Доула слушала мою историю, тем глубже становилась складка у нее между бровей. Тетя выглядела очень огорченной. Она молча встала и подошла к печке, задумавшись. Доула налила горячего чаю в единственную кружку, которую Джахуа еще не успела разбить, и протянула ее мне. Наконец тетя собралась с духом.

— Нуджуд, — прошептала она, — если никто не желает тебя слушать, остается только пойти в суд!

— Куда?

— В суд!

В суд? В суд… Ну конечно, в суд! В моей голове тут же закружилось множество картинок. Строгие судьи в тюрбанах, вечно занятые адвокаты, мужчины в белых туниках и закутанные в покрывала женщины, которые рассказывают о проблемах в семье, кражах или наследстве. Как я раньше не подумала про суд? Я же видела его по телевизору. В каком-то сериале — мы с Хайфой тогда как раз сидели у соседей. Актеры еще говорили по-арабски не так, как в Йемене. Со странным акцентом… Вспомнила!

В сериале речь шла о Кувейте. Показывали большую комнату с белыми стенами и длинными рядами деревянных скамеек, заполненными людьми. А еще в одной сцене был фургон с решетками, на котором привезли преступников.

— В суд… — продолжает Доула. — Насколько я знаю, это единственное место, где могут помочь. Попроси отвести тебя к судье. В конце концов, он же представитель правительства! И обладает большой властью. Фактически он нам всем как крестный отец, и его долг — помогать попавшим в беду.

Доуле удалось меня убедить. С этой секунды будущее немного прояснилось. Если родители не хотят мне помогать, буду выкручиваться самостоятельно. Решено. Пойду до конца. Я была готова даже сбежать в горы, лишь бы оказаться подальше от страшной комнаты с циновкой, где живет это чудовище. Я крепко

обняла Доулу и горячо ее поблагодарила.

— Нуджуд?

— Да?

— Возьми. Тебе может пригодиться.

Доула вложила мне в руку двести риалов[32]. Все, что она смогла собрать сегодня утром, когда ходила просить милостыню на соседний перекресток.

— Спасибо тебе огромное!

На следующий день я проснулась в более приподнятом настроении, чем обычно. Меня саму удивил бурлящий внутри энтузиазм. Как обычно, я умылась, прочитала молитву, растопила маленькую печь, чтобы вскипятить воду для чая. И все это время с нетерпением ждала, когда же проснется мама, теребя руками края одежды. «Нуджуд, — настойчиво твердил внутренний голос, — старайся вести себя как обычно, а не то родители что-то заподозрят».

Наконец *Omma* открыла глаза — немного позже, чем я рассчитывала, — встала и принялась развязывать правый уголок своего черного платка (там она хранила деньги). В этот момент появилась слабая надежда на успех. Если бы она только знала, что за мысли крутятся у меня в голове…

— Нуджуд, — сказала она, протягивая мне сто пятьдесят риалов, — сходи купи хлеба к завтраку.

— Хорошо, *Omma*, — послушно отозвалась я.

Я взяла деньги. Надела черное платье и повязала на голову черный платок — обычный наряд замужней женщины. Старательно закрыла за собой дверь. Окрестные улицы были еще полупустыми. Я свернула направо на первом же перекрестке и пошла к булочной, расположенной на углу. Там выпекают изумительно вкусный хлеб, который так аппетитно хрустит, когда его достают из печи. Если напрячь слух, то вдалеке можно различить песню продавца газировки — он каждый день разъезжает по кварталу на велосипеде, а тележка с товаром катится за ним по дороге.

Булочная все ближе и ближе. Уже чувствуется приятный аромат горячих хлебцев *khobz*. На углу собралась целая толпа женщин, выстроившихся в очередь к печи *tandour*. Но в последний миг я свернула и направилась к главной улице квартала. «В суд, — звучат в голове слова Доулы, — тебе остается только пойти в суд».

Стоило оказаться на главной улице, как в животе заворочался холодный червячок тревоги: а вдруг меня узнают? Что, если мимо пройдет кто-нибудь из родственников? Внутри я вся тряслась от страха. Для того чтобы защититься от посторонних взглядов, я

закрыла платком почти все лицо, оставив только глаза. В первый раз *niqab* сослужил мне хорошую службу. Вдоль улицы в ожидании отправления выстроились автобусы. Перед бакалеей, где мы покупали пластиковые баллоны, я увидела бело-желтый шестиместный автобус. Он каждый день проезжал через квартал и высаживал пассажиров в центре города, неподалеку от площади Тахрир. «Давай, теперь все зависит только от тебя, садись в автобус!» — подбадривал меня внутренний голос. Я встала в очередь вместе с остальными пассажирами. Другие дети моего возраста держали за руку родителей. Я была единственной маленькой девочкой, стоявшей в очереди в одиночку, поэтому старалась не поднимать голову и смотреть себе под ноги, чтобы избежать ненужных вопросов. Было ощущение, что за мной наблюдают. Вдруг кто-нибудь догадается о том, что я собралась делать? Было ужасное чувство, что все мысли написаны у меня на лбу.

Вот водитель встал со своего места и открыл дверь, сдвинув ее в сторону, как занавеску. Началась давка, женщины толкали друг друга локтями, торопясь занять место в автобусе. Я быстро влилась в толпу, мечтая только об одном: поскорее уехать из своего квартала, пока родители не спохватились и не вызвали полицию. Для меня нашлось место в глубине салона, на заднем сиденье, между двумя женщинами: одна старая, другая моложе, но обе с головы до пят закутаны в покрывала. Зажатая между двумя полными телами, я старалась не смотреть в окно. На улице можно было увидеть кого-нибудь из знакомых. Нужно быть незаметной насколько это возможно. К счастью, ни одна из соседок по сиденью не стала приставать ко мне с вопросами.

Сердце забилось изо всех сил, когда мотор автобуса наконец зарычал. Я внезапно вспомнила о Фаресе, своем старшем брате. Сколько же мужества потребовалось ему для того, чтобы четыре года назад сбежать из дома… Но если получилось у него, то почему не получится у меня? Что сказал бы отец, если бы увидел, как его дочь в одиночку садится в общественный транспорт? Быть может, сейчас я позорю семью, как он говорит?

Дверь закрылась. Слишком поздно что-то менять. За окном проплывали улицы Саны. Машины стояли в утренних пробках, просыпались подъемные краны на стройках, закутанные в черные покрывала женщины выходили из магазинов, а бродячие торговцы предлагали прохожим букетики жасмина, пачки жевательных резинок и бумажных салфеток. Еще утро, а на улицах столицы уже так много народу! Какая же она большая, наша Сана… Но если выбирать между пыльным лабиринтом города и тихой безлюдной Кхарджи, то столица нравится мне

гораздо больше. В тысячу раз!

* * *

— Конечная! — крикнул водитель.

Итак, мы приехали! Дверь автобуса едва приоткрылась, а внутрь уже хлынул уличный шум. Пассажиры встали со своих мест и устремились к выходу. Я — следом за ними, вместе с толпой, протягивая водителю несколько монет, чтобы оплатить проезд. Я добралась до центра… и не имею ни малейшего представления, где находится суд. А спросить об этом других пассажиров было боязно. Меня охватила паника, ноги словно ватные. Я очень боялась потеряться. Посмотрела направо, потом налево. У неработающего светофора полицейский изо всех сил старался создать видимость порядка. Он стоял посреди яростно сигналящих автомобилей, так и норовящих обогнать друг друга. Лучи утреннего солнца, плывущего по чистому голубому небу, ослепляли, и приходилось все время щуриться. Да, в этом месте дорогу лучше не переходить, так и с жизнью расстаться можно. Прислонившись к столбу, я старалась собраться с духом, как вдруг взгляд упал на желтую машину. Спасена!

Это было одно из многочисленных такси, день и ночь разъезжающих но столице. У нас в Йемене, как только мальчик начинает доставать до педалей, отец покупает ему водительские права в надежде, что тот устроится работать водителем и поможет кормить семью. Мы с Моной как-то раз ездили на таком такси в Баб-аль-Йемен.

Водитель точно знает всю столицу как свои пять пальцев и без труда найдет суд. Я подняла руку, чтобы остановить машину, Конечно, девочке неприлично одной ездить в такси. Но в тот момент было плевать на то, что скажут другие.

— Отвезите меня в суд! — попросила я водителя, который посмотрел на меня с большим удивлением.

Жующий кат водитель не задавал мне никаких вопросов. Сам того не зная, он стал молчаливым соучастником моего побега. Прижав правую руку к груди и слегка прикрыв глаза, я старалась успокоить бешено колотящееся сердце.

* * *

— Приехали!

Аккуратно затормозив, водитель припарковался перед

железными воротами, за которыми располагались полный народу двор и большое величественное здание. Суд! Регулировщик движения показал таксисту, чтобы он проезжал поскорее, так как его машина загораживала проход. Я отдала ему все деньги и торопливо вылезла наружу, чувствуя себя невероятно отважной. Если Господь этого захочет, моя жизнь скоро изменится целиком и полностью.

7. Развод

15 апреля 2008 года

Великий день наступил раньше, чем ожидалось. Сколько же тут народу! В зале судебного заседания не протолкнуться. Впечатляет. Неужели все эти люди, которые сейчас сидят на скамейках и пристально следят за судьей, пришли сюда только ради меня? Шада предупреждала об этом. Мы боялись, что приготовления к процессу займут слишком много времени, но упорство адвоката принесло свои плоды. И все же эта толпа в зале суда удивила ее не меньше, чем меня! С момента нашего знакомства прошла всего неделя. За это время она успела связаться с прессой, телевидением, женскими ассоциациями… И вот результат. Просто чудо! Я в жизни не видела столько фото- и видеокамер. Становится трудно дышать. Интересно, это от того, что вокруг меня толпа народу и не хватает воздуха, или я просто боюсь? Под черным платком с меня ручьями течет пот.

— Нуджуд, улыбнись! — кричит какой-то фотограф, расталкивая локтями журналистов, чтобы пробиться поближе.

Но приблизиться ему не удалось — передо мной стоит стена репортеров с камерами. Снимают даже на видео! От этих вспышек я смущенно краснею. К тому же никак не удается отыскать в толпе знакомые лица. Зато на меня смотрит столько чужих людей… Я прижимаюсь к Шаде. Знакомый тонкий аромат жасмина, окружающий адвоката, успокаивает. Шада — моя вторая мама, она не даст меня в обиду!

— *Khaleh*[33] Шада!

— Да, Нуджуд?

— Мне страшно.

— Не волнуйся, у нас все получится. У нас все получится, — шепчет она.

Нельзя было представить, что моя история вызовет у людей такой интерес. И теперь я, маленькая девочка, которая на протяжении долгих месяцев была молчаливой жертвой, вдруг оказываюсь в центре внимания толпы журналистов. А ведь Шада обещала, что их не будет и заседание пройдет в спокойной обстановке. Вдруг они начнут задавать вопросы? Меня никогда не учили давать интервью.

— Шада?

— Что такое, Нуджуд?

— Все эти камеры, вспышки… Знаешь, я чувствую себя похожей на Джорджа Буша. Это такой американский президент,

его по телевизору часто показывают.

Шада улыбается.

— Не волнуйся… — повторяет она.

Пытаюсь улыбнуться в ответ. Но внутри меня все словно застыло. Я не могу двигаться, такое чувство, будто ноги приросли к полу. Но я понимаю, чем вызван этот страх, так как слабо представляю, что ждет меня в будущем. Как проходит бракоразводный процесс? Я забыла спросить у Шады, а в школе никогда о таких вещах не говорили. Мы с Малак, моей лучшей подругой, рассказывали друг другу обо всем на свете, но ни о чем таком даже не думали. Наверное, нам казалось, что эти темы касаются только взрослых, а мы пока еще слишком маленькие, чтобы интересоваться их проблемами. Теперь я понимаю, что даже не знала, замужем мои учительницы или нет… Так что теперь сложно сравнивать свою историю с жизнью других знакомых женщин.

* * *

И тут в голове, будто молния, проносится страшная мысль, от которой мучительно сжимается сердце: а если это чудовище просто скажет «нет»? Действительно, что делать, если муж решительно выступит против нашего развода и примется угрожать судье своим кинжалом-*jambia*, а за ним встанут его братья и все мужчины деревни? Что делать?..

— Поверь, все будет хорошо… — успокаивающе шепчет Шада, поглаживая меня по плечу.

Поднимаю голову вверх, чтобы получше рассмотреть свою защитницу. Кажется, сегодня ночью она почти не спала: под глазами мешки, да и вид очень усталый. Я чувствую себя неловко, ведь она старается ради меня. Но даже сейчас адвокат выглядит собранно и элегантно. Сегодня на Шаде длинная серая юбка и туфли на каблуках. На судебное заседание она надела розовый платок — в тон тунике. А ведь розовый — мой любимый цвет! Шада — настоящая деловая леди. Какое счастье, что она рядом!

Внезапно я замечаю, как кто-то в толпе настойчиво пытается ко мне пробиться. Да это же Хамед Тхабет, репортер «Йемен таймс»! Он — мой новый друг. Настоящий старший брат, совсем не такой, как Мохаммед. Нас познакомила Шада. Хамед высокий, темноволосый, у него приветливое круглое лицо и широкие плечи. Меня сразу подкупила его доброта. Я не знаю, сколько ему лет, а спросить не решаюсь. Мы встретились всего несколько дней назад во дворе перед зданием суда, через некоторое время после

того, как ко мне подошла Шада.

Сначала Хамед спросил, можно ли ему меня сфотографировать, а потом мы отправились в расположенный поблизости маленький ресторан. Репортер достал ручку, блокнот и начал задавать вопросы: о родителях, о замужестве, о жизни в Кхарджи, о первой брачной ночи… Я рассказывала свою историю с пылающими от стыда щеками. Но, увидев, как исказилось его лицо при описании испачканной кровью простыни, стало понятно, что мужчина мне сочувствует всей душой. Я даже заметила, как он непроизвольно стучит по столу ручкой, пытаясь скрыть охватившую его злость.

— Но ты же совсем маленькая! Как он мог? — прошептал Хамед.

Странно, но в тот раз я не плакала. Помолчала несколько минут, собираясь с мыслями, а потом продолжила:

— Хотелось поиграть на улице с другими детьми. Но Фаез бил меня и заставлял идти в комнату, где требовал, чтобы я снова делала все эти ужасные вещи… А в разговорах использовал очень грубые слова…

Когда пришло время прощаться, страницы блокнота почернели от записей. Хамед не упустил ни одной детали. Потом ему удалось пробраться в тюрьму и сфотографировать на мобильный телефон отца и это чудовище. А через несколько дней Шада рассказала, что статью Хамеда напечатали в газете и она наделала много шуму в Йемене. Он стал первым журналистом, открыто рассказавшим мою историю. В тот момент это скорее встревожило, чем обрадовало. Но теперь я знаю, что без Хамеда у нас бы ничего не получилось.

* * *

На входе в зал заседаний нас встречает щелканье камер. По спине бегут мурашки. Я вижу, как двое солдат в черных кепи и зеленой униформе вводят отца и… чудовище. Они оба не в лучшем настроении. Проходя мимо нас, *он* опускает глаза, а потом вдруг поворачивается к Шаде.

— Ну что, гордитесь собой, да? На свадьбе у меня нормального праздника не было. Но вы, я вижу, позаботились, чтобы тут устроить пышное торжество! — бросает он.

Да как он смеет разговаривать с ней подобным образом? Произошло то, чего я так боялась. Но Шада, как ни странно, остается совершенно спокойной. Она даже не опускает глаз. Меня в который раз поражает сила характера этой женщины. Ей не

нужны слова или действия, чтобы выразить свои чувства. Хватает одного взгляда, чтобы передать то, как она презирает этого человека. Одного взгляда. За последние дни я многому у нее научилась, но она не устает меня удивлять.

— Не слушай его, — говорит Шада.

Я бы очень хотела так же владеть своими эмоциями, но ничего не получается. Во всяком случае, пока. Что делать, если сердце дрожит от страха? После того, что сотворил со мной этот монстр! Поднимаю голову и встречаюсь глазами с *Aba*. Он выглядит очень недовольным. У меня не было выбора, и все сделано правильно, но вдруг он никогда меня не простит… «Честь», — говорил отец. Честь. Я вглядываюсь в его лицо и начинаю понимать, что же значит это сложное слово. В его глазах злость смешалась со стыдом. На папу устремлено столько камер… Я все еще сержусь, но в этот момент становится его жалко. Это сильнее меня. В Йемене уважение людей значит очень много.

— Ну и толпа! — бормочет солдат, которого назначили следить за порядком. — В первый раз вижу, чтобы на суд пришло столько народу.

Вновь засверкали вспышки фотокамер. В зале появился кто-то очень важный. Это Мохаммед аль-Гхази, главный судья на сегодняшнем процессе. Я узнаю его по белому тюрбану, плотно сидящему на голове. У судьи тонкие усы и аккуратная бородка. Поверх белой туники он носит серый пиджак. А за пояс гордо заткнута *jambia*, традиционный изогнутый клинок его племени.

Я смотрю на господина аль-Гхази во все глаза. Ловлю каждое его движение. Наблюдаю за тем, как он проходит за свой стол, заставленный микрофонами различных теле- и радиоканалов. Смотрю, как судья усаживается, как раскладывает перед собой документы. Можно подумать, что это президент республики готовится к торжественному выступлению перед всей страной. К Мохаммеду аль-Гхази присоединяется судья Абдо — он садится в соседнее кресло. Как хорошо, что они здесь — я могу рассчитывать на их поддержку! До сих пор не верится, что нам удалось дойти до суда.

— Во имя Господа Всемогущего и Всепрощающего объявляю заседание открытым, — громко произносит господин аль-Гхази, жестом приглашая нас подойти к своему столу.

Шада делает мне знак, чтобы я не отставала. Слева от нас встают отец и *он*. Я чувствую, как волнуется толпа позади нас. Часть меня ощущает удивительный прилив сил. Но другая часть — у меня никак не получается с ней справиться — готова на все, чтобы в эту же секунду превратиться в маленькую серую мышку.

Сжав кулаки, заставляю себя смотреть вперед.

Настала очередь судье Абдо взять слово:

— Суд рассматривает дело девочки, выданной замуж без ее согласия. После подписания брачного договора она была против ее воли увезена в провинцию Хадджа. Там Нуджуд подвергалась сексуальному насилию со стороны мужа, несмотря на то что еще не достигла половой зрелости и была слишком маленькой для подобных действий. Более того, он не только насиловал ее, но также избивал и оскорблял. И сегодня эта девочка пришла сюда, чтобы требовать развода…

Настал тот великий момент, которого я так ждала. Момент, когда восторжествует справедливость и виновные понесут наказание. Совсем как в школе, когда учительница ставила нас в угол… Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы я выиграла, чтобы это чудовище согласилось на развод!

Мохаммед аль-Гхази несколько раз стучит по столу маленьким деревянным молоточком.

— А теперь послушай меня, — обратился он к отвратительному существу, которое я ненавижу больше всего на свете. — Два месяца назад ты взял в жены эту девочку. Ты принуждал ее к сексуальным отношениям и избивал, это так?

Чудовище моргает, осмысливая слова судьи, потом отвечает:

— Нет, это неправда! Она и ее отец были согласны на брак.

Я правильно расслышала? Да как… как у него совести хватило? Ну и врун! Ненавижу его!

— Ты вступал с ней в сексуальные отношения? Ты спал с ней или нет? — повторяет свой вопрос аль-Гхази.

В комнате воцаряется звенящая тишина.

— Нет!

— Ты избивал ее?

— Нет… я никогда не был с ней жесток.

Я судорожно цепляюсь за юбку Шады. Как Фаез может быть настолько уверен в себе, как он может стоять тут и криво усмехаться, выставляя напоказ свои желтые зубы? Так спокойно врать? Ну уж нет, не позволю. Нужно и мне кое-что сказать.

— Он лжет!

Судья царапает на листке несколько слов. Потом поворачивается к моему отцу:

— Вы были согласны с замужеством своей дочери?

— Да.

— Сколько ей лет?

— Тринадцать.

Тринадцать? Никто не говорил, что мне тринадцать лет! Я думала, что мне девять, максимум десять! Я переплетаю пальцы,

чтобы успокоиться, и слушаю, что говорит отец.

— Я выдал Нуджуд замуж, потому что боялся за нее, — объясняет он. — Потому что боялся…

Его глаза налиты кровью. Боялся? Боялся чего?

— Я согласился на этот брак, потому что боялся, что ее постигнет судьба старших сестер… — продолжает папа, поднимая руки к небу и потрясая кулаками. — Один мужчина уже забрал у меня двух дочерей! Он похитил их честь. Этого достаточно. Теперь он сидит в тюрьме.

Я не понимаю, о чем говорит отец. Расплывчатые, сумбурные ответы… Что он хочет сказать? И вопросы, которые задает судья, становятся все более и более непонятными. В десять лет трудно разобраться в юридической тарабарщине. Слова сыплются, сыплются, сыплются. Сначала тихие, спокойные, потом жесткие, похожие на камни, которые швыряют в стену — и они с треском разбиваются. Мало-помалу темп разговора ускоряется. Голоса становятся громче. Обвиняемые явно не собираются сдаваться так просто. Обстановка в зале накаляется, толпа бурлит. Сердце бьется все сильнее и сильнее. И тут муж что-то говорит Мохаммеду аль-Гхази — не могу разобрать его слов, — и судья снова несколько раз стучит молотком по столу.

— По просьбе мужа заседание продолжится при закрытых дверях, — объявляет он.

Нас переводят в другую комнату, где нет репортеров и посторонних зрителей. Вдали от толпы я чувствую себя гораздо спокойнее. В конце концов, моя история слишком личная, чтобы выставлять ее напоказ. Но и здесь судья продолжает задавать вопросы:

— Господин Фаез Али Тхамер, вы подтвердили факт заключения брака?

Мое сердце замирает.

— Да, — отвечает он. — Но я был очень нежен с Нуджуд… И осторожен… Я не бил ее.

От его ответа я вспыхиваю, перед глазами проносятся все издевательства и страдания, которые пришлось пережить по вине этого чудовища. «Что значит не бил? А синяки на руках, а слезы, пролитые от боли? Пора действовать, Нуджуд!» — просыпается мой внутренний голос. Меня всю колотит от злости.

— Это неправда!

Все взгляды устремляются на меня. Я сама поражаюсь этому внезапному порыву, однако не могу сдержать свои эмоции.

С этого момента процесс начинает двигаться куда быстрее. Фаез чернеет от злости. Кричит, что отец предал его и соврал по поводу моего возраста. *Aba* не остается в стороне. Говорит, что

муж пообещал не притрагиваться ко мне, пока я не вырасту. И тут чудовище заявляет, что согласится на развод при одном условии — отец возместит ему плату за невесту! *Aba* отвечает, что никогда не видел этих денег. Можно подумать, что мы на рынке, а не в суде! Сколько? Когда? Кто говорит правду? Кто лжет? Кто-то предлагает заплатить ему пятьдесят тысяч риалов[34] и покончить со всем этим. Я не понимаю, что происходит. Когда же все это кончится? Пусть меня наконец оставят в покое… Хватит раздоров между взрослыми, от которых страдают дети. Довольно!

* * *

После длительных обсуждений судья выносит окончательное решение — и спасает меня.

— С настоящего момента брак объявляется расторгнутым! — сказал он.

Расторгнутым! До сих пор не верю в это. Меня переполняет неудержимое желание бегать по комнате и кричать от счастья! Я так рада, что не обращаю внимания на следующее заявление судьи: мой отец и этот монстр будут отпущены на свободу. Их даже не заставят заплатить штраф или подписать обещание хорошо себя вести!

Сейчас я просто хочу всласть насладиться долгожданной свободой. Выхожу из комнаты, куда перенесли заседание, и обнаруживаю, что толпа все еще на месте. Более того, люди взбудоражены еще сильнее, чем прежде!

— Скажите что-нибудь для наших телезрителей! — кричит репортер, проталкиваясь ко мне с микрофоном.

Все вокруг толпятся, пихаются, даже аплодируют. На меня со всех сторон обрушивается шквал «*Mabrouk*!». А позади кто-то бормочет, что я точно самая юная разведенная в мире.

Потом приходит очередь подарков. Растроганный этой историей незнакомец протягивает мне пачку денег — там сто пятьдесят тысяч риалов! Он говорит, что представляет спонсора из Саудовской Аравии. В жизни не держала в руках столько денег…

— Эта девочка — настоящая героиня! Она заслуживает награды! — заявляет мужчина.

Другой говорит что-то о женщине из Ирака, которая хочет подарить мне золотые украшения. Вокруг без конца щелкают камеры. Журналисты обступают меня плотной толпой. Но вдруг за их спинами появляется один из братьев моего отца — он встает и кричит Шаде:

— Вы очернили репутацию нашего рода! Запятнали честь нашей семьи!

Шада поворачивается ко мне.

— Не слушай его, он говорит глупости, — шепчет она.

А потом берет за руку и тянет за собой. Не нужно бояться своего дядю — я же выиграла, в конце концов! Выиграла! Теперь я разведена! Никогда больше не выйду ни за кого замуж. Как странно и удивительно приятно вновь ощущать забытую легкость — слова судьи мгновенно вернули меня в детство…

— *Khaleh* Шада!

— Да, Нуджуд?

— Я хочу новые игрушки! Хочу есть шоколадные конфеты и пирожные!

Вместо ответа моя защитница широко улыбается.

8. День рождения

Так вот оно какое — счастье… С того момента, как я вышла из здания суда, прошло всего несколько часов, но меня до сих пор переполняют странные чувства. Шум стоящих в пробке машин никогда прежде не казался мне таким нежным и мелодичным. Проезжая мимо бакалеи, я подумала о большой вазочке мороженого и сказала себе: «Съем не одну, а целых две! Или три…» Увидела сидящую на пороге магазина кошку — и сразу захотела взять ее на руки и гладить, пока она не замурчит. Мои глаза сверкали от счастья, будто заново открывали для себя маленькие прелести нашего мира. Господи, как хорошо. Сегодня лучший день в моей жизни.

— Шада, скажите, как я выгляжу?

— Ты очень, очень красивая, Нуджуд!

В честь нашей победы в суде Шада подарила мне новую одежду. Теперь я сижу в розовом свитере и синих джинсах, расшитых разноцветными бабочками. Мне кажется, что теперь я тоже совсем новая Нуджуд. Длинные кудрявые волосы заплетены в косу и украшены зеленой лентой. Ненавистный черный платок остался в прошлом, и все делают мне комплименты по поводу прически.

* * *

У нас назначена встреча с Хамедом и другими журналистами в редакции «Йемен таймс». Четырехэтажное здание выглядит очень впечатляюще. Охранник у дверей внимательно следит за всеми, кто входит и выходит. Совсем как на виллах из богатого квартала Саны, которые я раньше так любила рисовать в своем блокноте. Немного сбитая с толку, поднимаюсь по широкой мраморной лестнице, держась за деревянные перила. Краем глаза замечаю, что сквозь кристально чистые окна свободно проникают лучи солнца и разрисовывают белые стены желтыми пятнами. Воздух в здании наполнен приятным ароматом воска.

* * *

На третьем этаже меня встречает Надия, главный редактор «Йемен таймс», — встречает и сразу же крепко сжимает в объятиях. Никогда не думала, что женщина может управлять

целой газетой. Как же ее муж с этим согласился? Надия весело смеется, видя мою удивленную мордашку.

— Пойдем со мной, — говорит она.

Женщина открывает дверь по соседству со своим большим, залитым светом кабинетом, и мы оказываемся в детской комнате. Пол усыпан маленькими разноцветными подушками вперемешку с мягкими игрушками.

— Это комната моей дочери, — объясняет Надия. — Иногда я привожу ее в редакцию. Так я могу быть мамой, не отрываясь от работы.

Целая комната для одной девочки! Мир, открывающийся передо мной, очень сильно отличается от того, в котором я жила прежде. Возникает ощущение, что теперь все происходит на другой планете. Это зачаровывает, но вместе с тем немного пугает.

Однако сюрпризы только начинаются. Когда Надия приводит меня в большую комнату, полную народа, я с удивлением обнаруживаю, что большинство журналистов — женщины. Некоторые с ног до головы одеты в черное. Лишь изредка они приподнимают края своего *niqab* — чтобы сделать глоток чая. Другие покрывают голову яркими оранжевыми или красными платками, из-под которых выглядывают светлые пряди, и с гордостью демонстрируют голубые глаза и молочно-белую кожу. Длинные накрашенные ногти совершенно не мешают им делать заметки в блокнотах. Эти женщины говорят по-арабски со странным акцентом. Думаю, они приехали из-за границы — из Америки или из Германии? — и вышли замуж за жителей Йемена. Наверное, им пришлось долго учиться в университете, чтобы работать здесь. Скорее всего, эти женщины, как и Шада, ездят на работу на своих собственных машинах.

Их легко можно представить в ресторане с чашечкой кофе и сигаретой, совсем как в телесериалах. А может быть, они даже красят губы, когда отправляются ужинать в город. Одна из них в данный момент что-то быстро говорит в телефонную трубку. Это явно очень важный звонок. Прислушиваюсь к мягкому журчанию иностранного языка. Наверное, это английский. Однажды я тоже смогу разговаривать по-английски.

Не устаю наблюдать за журналистками. Меня поражает их способность быстро перебирать пальцами по машинкам с буквами, не отрывая глаз от телевизоров, стоящих на каждом столе из светлого дерева. Работать и одновременно смотреть «Том и Джерри» — вот бы мне так!

— Нуджуд, это компьютеры! — восклицает Хамед, замечая мое удивление.

— Что?

— Компьютеры! Специальные машины, состоящие из экрана и клавиатуры. С их помощью можно набирать текст, отправлять письма и даже обрабатывать фотографии.

Машины, которые могут отправлять письма и обрабатывать фотографии… Эти женщины не просто великолепно выглядят, но еще и виртуозно обращаются с современной техникой. Пытаюсь представить себя на их месте лет через десять — двадцать. С накрашенными ногтями и ручкой в руке. Хм, здорово быть журналисткой. Или все-таки стать адвокатом? Или и тем и другим сразу? При помощи компьютера я смогу писать письма Хамеду и Шаде. Обязательно буду упорно трудиться! И получу профессию, которая позволит мне помогать людям, попавшим в беду, и делать их жизнь лучше.

* * *

Общение с журналистами будет проходить в конференц-зале, предназначенном для «важных событий», объясняет Шада.

— Браво, Нуджуд! — слышу я мужской голос.

— Нуджуд выиграла, Нуджуд выиграла! — кричат со всех сторон, перекрывая общий гомон.

Едва переступив порог, я оказалась перед толпой из тридцати человек, взволнованно рассматривающих меня. Комнату оглашают аплодисменты. Все вокруг подмигивают мне, ободряюще улыбаются, посылают воздушные поцелуи… Щипаю себя за левую руку, чтобы убедиться, что не сплю. Нет, все происходит на самом деле! И сегодня именно я — «важное событие»…

Мне начинают дарить подарки! Хамед — первый, он протягивает огромного плюшевого медведя красного цвета — такого большого, что я оказываюсь выше него всего на голову. На круглом животе у него сердечко с вышитыми незнакомыми символами.

— Здесь написано «I love you», — объясняет Хамед. — По-английски это значит «я люблю тебя».

Мне со всех сторон протягивают яркие коробки, и я не знаю, за какую хвататься. Развязываю ленточки одну за одной, а там… маленькое электронное пианино, цветные карандаши, альбомы для рисования, кукла «Fulla» — такую же я видела у дочери судьи Абделя Вахеба…

Пытаюсь найти слова, чтобы отблагодарить всех этих добрых людей, но произнести удается лишь скромное:

— Shokran![35]

Надеюсь, моя улыбка красноречивее любых слов.

Надия зовет меня резать торт. М-м-м, пахнет шоколадом — как же я люблю этот сладкий аромат! Сверху — пять красных вишенок в кремовых розочках. Внезапно вспоминаю наши с Моной прогулки по улице Хайл. Сколько раз, прижавшись носом к витрине дорогого магазина, я мечтала о пышной свадьбе с подарками и вечерними платьями? Ничего подобного у меня не было.

В сравнении с мечтами, реальность подчас куда более жестока. Но она также нередко преподносит нам замечательные сюрпризы.

* * *

Сегодня я наконец понимаю значение слова «праздник». Если представить его в виде десерта, то это будет что-то сладкое, хрустящее, с мягкой начинкой. Как мои любимые конфеты с кокосовой стружкой.

— Праздник по случаю развода гораздо лучше, чем праздник по случаю свадьбы! — говорю я, обнимая своего плюшевого медведя.

— А что бы нам тебе спеть в такой чудесный лень? — с улыбкой спрашивает Надия.

— Я не знаю…

— Какую же песню?

Но Шаде первой приходит в голову замечательная идея.

— А давайте споем «С днем рожденья тебя!» — предлагает она.

— «С днем рождения»? А что такое день рождения? — недоуменно спрашиваю я.

— Это такой день, когда празднуют появление человека на свет.

— Х-м-м, тогда есть маленькая проблема.

— Что такое, Нуджуд?

— Проблема в том, что я не знаю… когда родилась…

— Ну что ж поделаешь… С сегодняшнего дня это будет твой день рождения, согласна? — восклицает Надия.

Комнату снова оглашают аплодисменты и радостный смех.

— Поздравляем с днем рождения, Нуджуд! С днем рождения!

Мне хочется смеяться во весь голос. Как же просто быть счастливой, когда тебя окружают хорошие люди.

9. Мона

Июнь 2008 года

Развод полностью изменил мою жизнь. Больше нет причин для слез. Мне все реже снятся кошмары по ночам. Наверное, пережитые испытания закалили меня. Когда я выхожу на улицу, женщины, живущие по соседству, иногда приветствуют меня криками «*Mabrouk*!», и хотя это слово испачкано дурными воспоминаниями, его снова радостно слышать. А ведь мы с ними даже не знакомы! Мои щеки краснеют от смущения, но в глубине души я очень горжусь тем, что сделала.

Теперь я чувствую себя сильнее. Стараюсь держать ухо востро — и постепенно передо мной начинают раскрываться тайны, которые хранит наша семья, истории о моих братьях и сестрах. Например, о Моне. Ее судьба, словно мозаика из тысячи кусочков, потихоньку складывается в целую картину…

* * *

— Подождите, я поеду с вами! — кричит Мона, подбегая к машине.

Сегодня ко мне в гости приехала Эман, активистка и борец за права женщин. Она привезла с собой иностранную журналистку. Прошло совсем немного времени с тех пор, как я покинула дом своего дяди и вернулась к родителям. В нашей стране не существует специальных мест для девочек, ставших жертвами жестокого обращения внутри семьи. К тому же здорово снова оказаться в родном доме, хотя я до сих пор злюсь на отца. Но у него тоже есть причины быть недовольным своей дочерью. И мы стараемся делать вид, что все уже в прошлом. Сейчас это самый лучший вариант.

Недавно родители переехали в Дарес — район, который находится по дороге в аэропорт Саны. Теперь мы живем в небольшом домике. В нем всего две комнаты. Из мебели — простые подушки, прислоненные к стенам. Ночью нас часто будят заходящие на посадку или готовящиеся к взлету самолеты. Зато отныне сестричка Хайфа находится под моей защитой. Если кто-нибудь осмелится попросить у отца ее руки, я тут же скажу: «Нет! Это запрещено!» И вызову полицию! Теперь у меня в кармане всегда лежит телефон, который дал Хамед. Совсем новый мобильник, такой же, как у Шады. Благодаря ему, можно в любой

момент позвать на помощь своих друзей.

Старшего брата Мохаммеда вся эта ситуация порядком раздражает. После судебного заседания он нередко повышает голос на меня и на Хайфу. Брат даже не стесняется обвинять отца в том, что вся эта суматоха вокруг нашей семьи навредила ее репутации. А я уверена, что он просто завидует. Это видно по тому, как перекашивается лицо Мохаммеда всякий раз, когда к нам стучится очередной журналист. К огромному удивлению, история моего замужества и развода быстро облетела всю планету. Каждую неделю к нам приезжают репортеры из стран с такими экзотическими названиями, как Франция, Италия или… Соединенные Штаты Америки. И все это только ради меня!

— Эти журналисты, которые только и знают, что рыскать вокруг нашего дома, окончательно запятнают честь нашей семьи. Нуджуд должно быть стыдно! — такими словами Мохаммед встречает Эман, переступившую порог нашего дома.

— Это вам должно быть стыдно за то, что пришлось пережить бедной девочке! — без тени смущения отвечает ему Эман.

«Браво, Эман!» — мысленно кричу я. Мохаммед не знает, что ответить. Чтобы сохранить остатки достоинства, он, задрав нос, уходит в главную комнату и садится на подушку в дальнем углу. Пока брат не успел запретить выйти из дома, я торопливо надеваю черный платок и хватаю за руку Хайфу. Надо взять ее с собой, чтобы девочка не осталась один на один с яростью старшего брата. Я должна защищать свою младшую сестру.

Эман обещала, что отведет нас в парк аттракционов. Никогда там не была! Нельзя упускать такую возможность! Мы уже сидели в машине, когда подбежала запыхавшаяся Мона.

— Мохаммед приказал ехать с вами! — говорит она, тяжело дыша.

Сестре явно неловко, но отступать она не собирается. Говорит, что не отпустит нас одних. Мы понимаем, что старшему брату лучше не перечить. Закрыв лицо *niqab*, Мона садится вперед, рядом с водителем. Сразу становится понятно, зачем Мохаммед все это затеял. Раздосадованный брат решил отомстить и отправил Мону шпионить за младшими сестрами. Но, как оказалось, у старшей сестры были совсем другие планы на нашу прогулку…

Машина выезжает на дорогу, и тут Мона просит водителя перед парком заглянуть в квартал Аль-Ка, где мы жили раньше. Какая странная просьба! Неужели Мохаммед доверил ей особенную миссию? Смущенная настойчивостью девушки, Эман в конце концов соглашается. По узеньким улочкам мы добираемся до мечети.

— Стоп! — командует Мона водителю.

Никогда прежде не видела ее такой взбудораженной. Машина останавливается. На ступенях перед входом в мечеть я замечаю женщину, закутанную в мятый черный платок, из-под которого, в надежде получить мелкую монетку, тянется к прохожим грязная рука. В другой руке она держит маленькую спящую девочку в рваном платье и с растрепанными волосами. Я кричу:

— Это же Монира!

Монира, дочка Моны, моя маленькая племянница! Но что она делает здесь, на ступенях мечети, в руках попрошайки, чье лицо скрыто черным платком?

— Когда муж попал в тюрьму, его мать добилась, чтобы Мониру отдали ей, — негромко произносит Мона, удивляя своими словами всех пассажиров машины. Замолкает на несколько секунд, потом продолжает: — Она говорит, что с ребенком гораздо легче разжалобить прохожих…

Никак не могу прийти в себя. Монира, очаровательная куколка, должна просить милостыню с какой-то одетой в лохмотья старухой? Муж Моны сидит в тюрьме? Чего еще я не знаю? Так вот про какого мужчину говорил отец, когда выступал в суде… Но сейчас сестра слишком занята, чтобы объяснять нам что-либо: она нежно обнимает дочку, вырванную из рук свекрови.

— Я очень соскучилась… Я верну ее, обещаю… обещаю… — торопливо говорит она даме в черном перед тем, как снова сесть в машину, крепко сжимая в руках свою трехлетнюю малышку.

Автомобиль внезапно наполняется неприятным затхлым запахом. Монира такая грязная, что с трудом можно разобрать, какого цвета ее ботиночки.

Дверца захлопывается, и мы отъезжаем. Малышка так рада всех нас видеть, что мы почти забываем о том, какое потрясение испытали, увидев ее просящей милостыню у мечети.

Машина едет на юго-запад Саны. По дороге мы проезжаем мимо еще одной мечети — она пока только строится, но величественное роскошное здание уже напоминает очертаниями дворец. Прижавшись лбом к стеклу, я любуюсь шестью стройными минаретами. Они производят невероятное впечатление.

* * *

Но сейчас меня больше интересует история Моны. В парке она постепенно открывает нам все, что лежит у нее на сердце…

— Это длинная история, — со вздохом начинает сестра, отпуская Мониру играть в кустах в прятки с Хайфой.

Эман, журналистка и Мона втроем сидят по-турецки в тени большого дерева. Я внимательно слушаю, о чем они говорят.

— Мохаммеда, моего мужа, посадили в тюрьму за несколько недель до свадьбы Нуджуд… Его застали в постели с моей старшей сестрой Джамилей. Меня уже давно тревожили подозрения. Поэтому я со спокойной совестью позвала свидетелей, которые и поймали их на месте преступления. Началась драка. Приехала полиция, Мохаммеда и Джамилю увезли в тюрьму. И я не знаю, сколько еще они там пробудут…

Мона опускает глаза, я смотрю на нее и не знаю, что сказать. Мне тяжело понять весь ужас произошедшего, но ясно, что сестре пришлось нелегко.

— В Йемене за супружескую измену карают смертной казнью, — задумчиво шепчет Эман.

— Да, я знаю, — отзывается Мона. — Именно поэтому сейчас Мохаммед пытается надавить на меня и заставить подписать бумагу, которая позволит прикрыть его грех. Муж хочет, чтобы все думали, будто мы развелись до того, как его арестовали… Я отказываюсь посещать тюрьму, но он сумел передать мне письмо. Пусть даже не мечтает! Я и так уже довольно из-за него намучилась…

Раньше я никогда не видела Мону такой разговорчивой. Слова так и сыплются из-под платка, глаза беспокойно мечутся, а руки теребят края одежды. У меня сердце кровью обливается, когда слышу ее дрожащий голосок. И вдруг неожиданный громкий смех разом возвращает нас в сегодняшний солнечный день. Усевшись под кустом, Монира сняла трусики и теперь радостно поливает желтой струйкой высохшую на солнце траву.

— Монира! — укоризненно кричит Мона, мгновенно превращаясь в строгую мать. Но по глазам видно, что она улыбается.

Впрочем, вскоре взгляд сестры снова темнеет.

— Монира, доченька моя… Теперь я должна в одиночку растить двоих детей, если, конечно, свекровь меня к ним подпустит. Мохаммед никогда не был хорошим отцом. И хорошим мужем тоже…

Молчит, собираясь с мыслями, потом продолжает:

— Мне было почти столько же лет, сколько сейчас Нуджуд, когда меня заставили выйти за него замуж… Наша семья счастливо жила в Кхарджи до того черного дня, когда все рухнуло…

Прищурившись, я тихо подхожу поближе к взрослым. Наверное, мне и так уже стало известно слишком много для ребенка моего возраста. Но что же на самом деле произошло в

Кхарджи? Мона — моя сестра, и, несмотря на то что она старше, я чувствую за нее ответственность.

— Незадолго до этого мама уехала лечиться в Сану. У нее были большие проблемы со здоровьем, врачи посоветовали обратиться к столичному специалисту. В тот день *Aba*, как обычно, встал очень рано и ушел к своему стаду. Мне было поручено присматривать за младшими братьями и сестрами. Нуджуд была еще совсем малышкой… И тогда… молодой человек, которого я никогда прежде не видела, подошел к нашему дому. Ему было, наверное, около тридцати лет. Мохаммед стал заигрывать со мной… Я пыталась его прогнать, но это не помогло. В конце концов он затолкал меня в комнату. Я сопротивлялась изо всех сил. Кричала. Отбивалась. Но… — Мона перевела дух. — Когда отец вернулся, было уже слишком поздно. Все произошло так быстро…

Ушам своим не верю! Бедная сестра! Ее затравленный взгляд, нервный смех… Так вот в чем дело.

— Отец был в ярости. Он допросил всю родню, всех соседей, пытаясь выяснить, как это могло случиться. Обвинял жителей деревни, что они сговорились против него. Но никто ничего не хотел слышать. Шейх, глава Кхарджи, которому тут же сообщили о произошедшем, решил поженить нас на скорую руку, пока слухи не разлетелись по всем окрестным деревням. И все это для спасения чести! Меня не спрашивали. Нарядили в синее платье — и уже на следующий день я стала женой Мохаммеда. Тем временем *Omma* вернулась из Саны. Она поднимала руки к небу, проклинала себя за то, что уехала. Душу отца разъедал стыд. Он хотел отомстить. Твердил, что во всем виноваты соседи, что они желали ему зла, поэтому напали на его детей. Папа чувствовал себя униженным, преданным. Однажды вечером жители деревни собрались на совет. Они стали спорить. Потом кричать. Оскорблять друг друга. Вытащили клинки из ножен. Через некоторое время — не помню точно, в тот же вечер или на следующий день, — соседи вернулись уже с пистолетами. Они начали угрожать нам, требовали, чтобы мы убирались из деревни… Сразу после этого родители с малышами направились в Сану. Мы с мужем скрывались несколько недель, потом присоединились к ним в столице…

Торопливый отъезд из Кхарджи… Ярость отца, печаль Моны и ее слишком пристальная забота обо мне… Так вот в чем дело.

— И через несколько лет отец объявляет, что отдает Нуджуд замуж. Мне стало плохо от этой новости. Я умоляла его одуматься, говорила, что Нуджуд еще слишком маленькая. Но папа ничего не хотел слышать. Твердил, что замужество защитит

ее от похитителей и насильников, слоняющихся по улицам… Что ему и так хватает забот из-за меня и Джамили… Когда мужчины собрались, чтобы подписать брачный договор накануне свадьбы, *Aba* даже предлагал *sighar* — брак по обмену, — чтобы Фарес, если он когда-нибудь вернется из Саудовской Аравии, взял в жены сестру Фаеза…

В день свадьбы Нуджуд я никак не могла перестать плакать… Невыносимо было смотреть на то, как она сидит в чужом поношенном платье и растерянно смотрит на все, что творится вокруг. Сестра была слишком маленькой для замужества! Сколько слез было пролито! Пытаясь защитить сестру, я даже пошла к ее мужу. Заставила Фаеза поклясться перед лицом Бога, что он не притронется к девочке до тех пор, пока она не вырастет, что будет отпускать ее играть с другими детьми. И он ответил: «Клянусь». Но слова не сдержал… Преступник! Все мужчины — преступники! Нельзя их слушать. Никогда… Никогда…

Не могу отвести взгляда от закутанной в *niqab* сестры. Как бы я хотела сейчас видеть каждую черточку ее лица, скрытого за черной пеленой, видеть, как слезы бегут по щекам. К моему стыду, я вообразила, будто она собирается за нами шпионить… Если бы я знала! Столько лет страданий — и она принимала их покорно, не повышая голоса, не жалуясь, не пытаясь укрыться за чьей-нибудь спиной. Участь старшей сестры еще ужаснее, чем моя. Но, в отличие от Моны, я нашла в себе силы восстать против своей судьбы и отважилась попросить о помощи.

* * *

— Мона! Нуджуд! Смотрите на нас! Смотрите!

Хайфа забралась на качели, посадила к себе на колени малышку Мониру и теперь весело смеется. Мы с Моной встаем и идем на соседние свободные качели.

— Нуджуд, помоги мне взлететь, — просит сестра.

Она усаживается на качели, я становлюсь позади нее так, что ноги упираются в края деревянного сиденья, а руки крепко держатся за веревки. И начинаю раскачиваться туда-сюда. Вперед. Назад. Вперед. Назад. Все быстрее и быстрее.

Качели взлетают все выше и выше.

— Еще, Нуджуд, еще! — восторженно кричит Мона.

В лицо бьет ветер. Как свежо! Сестра начинает заливисто смеяться. Видно, что на сердце у нее полегчало и все тело словно стало невесомым. Я в первый раз слышу, чтобы она так радостно смеялась.

Мы впервые вместе качаемся на качелях! Кажется, будто я — подхваченное ветром перышко. Как же он сладок, вкус заново обретенного детства…

— *Отта* летает! *Отта* летает! — радуется Монира, наблюдая за нами с соседних качелей.

Мона тихонько вскрикивает от счастья. Она не хочет возвращаться на землю.

Через несколько минут мой платок сдается перед неудержимым напором ветра. В первый раз рука не тянется инстинктивно к голове, чтобы вернуть его на место. Волосы рассыпаются по плечам. Я наконец-то чувствую себя свободной. Свободной!

10. Возвращение Фареса

Август 2008 года

Впервые в жизни ела пиццу! Несколько дней назад, в современном ресторане, где официанты носят смешные шапочки и переговариваются с поваром при помощи микрофона.

Такой странный вкус! Тесто хрустит на зубах, совсем как большая лепешка *khobz*, а сверху — много разных вкусностей: дольки помидора, кукуруза, курица, оливки. За соседним столиком сидели женщины в ярких платках, похожие на журналисток из «Йемен таймс». Они были одеты очень элегантно и ели при помощи ножа и вилки: изящно отрезали маленькие кусочки и аккуратно отправляли их в рот.

Я тоже попробовала поделить пиццу на кусочки. Сначала у меня ничего не получалось: все разъезжалось по тарелке. Хайфа посмотрела на девочку, которая вылила себе на тарелку целую бутылку томатного соуса, и решила сделать так же. Ей тоже все хотелось попробовать. После первой ложки соуса у нее покраснели глаза, а в горле словно начался пожар. К счастью, это заметил один из официантов. Он быстро отдал приказ в микрофон, и вскоре перед сестренкой оказалась большая бутылка воды!

С тех пор у нас появилась новая игра. Когда мы помогаем маме готовить, то представляем себя клиентами пиццерии, которые могут выбирать любые блюда.

* * *

— Что вам угодно? — спрашивает Хайфа, расстилая скатерть в главной комнате.

— Посмотрим… думаю, сегодня я хочу пиццу с сыром.

На самом деле я выбрала сыр, потому что несколько минут назад заглянула в сумку с продуктами и обнаружила, что, кроме него, у нас ничего нет. Ну и ладно, так тоже вкусно.

— К столу! — кричит Хайфа, приглашая в комнату всю семью.

Но едва мы заканчиваем скудный ужин, как раздается громкий настойчивый стук в дверь.

— Нуджуд, ты что, снова ждешь журналистов? — с подозрением в голосе спрашивает Мохаммед.

— Нет, сегодня никто не собирался…

— А, наверное, это грузовик с водой, чтобы цистерну наполнить. Хотя обычно он приезжает по утрам…

Нахмурившись, Мохаммед встает, продолжая жевать кусок хлеба. Потом быстро идет к входной двери. Что за человек явился к нам, не испугавшись августовского зноя? В такую жару гости обычно приходят вечером.

От внезапного крика брата мы все вскакиваем с мест.

— Фарес! — кричит он. — Фарес вернулся!

У меня подкашиваются ноги. Фарес, мой любимый брат, которого я не видела четыре года! Держась за стену дрожащими руками, мама медленно идет к двери. Мы все так торопимся, что застреваем в проходе, а маленькая Раудха пытается пробраться между наших ног. Никогда прежде крошечный коридор нашего домика не казался таким длинным.

На пороге стоит потемневший от солнца парень со впалыми щеками. Как он изменился! Высокий, худой, Фарес не похож на подростка с фотографии, которую я рассматривала часами, боясь позабыть его лицо. Теперь мне приходится задирать голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Взгляд брата ожесточился, на лбу появилось несколько глубоких морщин, совсем как у отца. Фарес стал мужчиной.

— Фарес! Фарес! Фарес! — плачет мама, цепляясь руками за белую тунику сына, чтобы обнять его еще крепче.

А брат стоит, прямой, как палка, и молчит. Он выглядит изможденным. Пустой взгляд. Грустные складки в уголках губ. Куда делся его юношеский задор?

— Фарес! Фарес! — бездумно повторяет Раудха, не осознавая, что этот взрослый человек и есть ее старший брат, который покинул нас, когда она была еще несмышленым младенцем.

* * *

После торопливого звонка из Саудовской Аравии — со времени его побега прошло два года — Фарес не послал нам ни одной весточки. И только месяц назад он неожиданно позвонил вечером, когда все уже собирались спать. Услышав его голос на другом конце провода, мама чуть не заплакала от радости. Мы отнимали друг у друга трубку, чтобы поговорить с братом. Я знала, что Фарес далеко, очень далеко, радость от того, что он жив, согревала сердце.

— У тебя все хорошо? — поспешил спросить отец — его голос срывался, было видно, что папа едва сдерживает слезы.

Aba хотел знать все о жизни Фареса. На кого он работает?

Нравится ли ему там жить? Достаточно ли он зарабатывает? Вместо того чтобы нормально ответить, брат без конца задавал один и тот же вопрос, который его явно очень волновал:

— Как там у вас дела?

Он сделал особенное ударение на слове «вас», а потом продолжил:

— Я очень переживаю. До меня доходят странные слухи… Пожалуйста, скажите, что дома все хорошо…

Брат был сильно взволнован. И шипение в телефонной трубке не могло этого скрыть. Неужели Фарес что-то подозревает? Он объяснил, что там, где он живет, о нашей семье рассказывают странные вещи. Там, в Саудовской Аравии, далекой стране, которую я и на карте-то, наверное, не смогу отыскать. Люди, приехавшие из Йемена, сказали брату, что у нас большие проблемы, но ничего толком не смогли объяснить. А потом Фарес увидел в местной газете наши с отцом фотографии. Брат бросил школу уже после первого класса, да и прежде не отличался прилежанием, поэтому прочитать статью, сопровождавшую снимки, не смог. Но с того момента его не оставляли мысли о том, что мы попали в беду.

Слухи, принесенные приезжими… Фотографии в газетах… Новость о моем разводе легко пересекла границы нашей страны. Фарес все никак не мог успокоиться, и отцу пришлось вкратце рассказать ему о событиях последних месяцев.

— Теперь все ясно… — задумчиво ответил старший брат.

— Фарес, сыночек, прошу тебя, вернись домой! — плача, умоляла его *Omma*.

— Я не могу, у меня здесь работа… — успел ответить он прежде, чем связь оборвалась.

Телефонный разговор в общей сложности длился около десяти минут. Но этого хватило, чтобы окончательно лишить маму душевного равновесия. После звонка Фареса она начала гаснуть с каждым днем. Казалось, что после моего развода к маме вернулся вкус к жизни, а теперь ее снова раздражало все на свете. Она мечтала лишь об одном: вновь увидеть своего сына, обнять его. Приласкать. Почему судьба к ней так несправедлива? Неужели она не заслужила немного простого материнского счастья?..

Маме снова стали сниться кошмары, в которых она навсегда теряла Фареса. Ей казалось, что он решил больше не возвращаться в Йемен и позвонил лишь для того, чтобы успокоить свою совесть. В те ночи, когда не было кошмаров, ее терзала бессонница. У меня разрывалось сердце от маминых страданий. Развод открыл мне глаза на многие вещи и сделал более

чувствительной к чужому горю.

* * *

И вот, в жаркий, душный августовский день, Фарес очутился на пороге родительского дома! Гораздо более спокойный и молчаливый, чем тот старший брат, которого я помнила. Но густые брови и кудрявые волосы остались прежними. Я хочу знать все о его жизни в Саудовской Аравии. Хорошо ли с ним обращался начальник? Появились ли у него новые друзья? И кстати, удалось ли ему там попробовать вкусную пиццу?

Мама отказывается его отпускать и ведет за руку в большую комнату. Фарес не выглядит особенно разговорчивым. Он медленно снимает ботинки и неспешно усаживается на подушках. Я смотрю на него во все глаза. Мама быстро приносит брату чашку чаю, и он делает несколько глотков.

— Ну, давай рассказывай… — торопит его отец.

Фарес ставит чашку на *sofrah*.

— За четыре года я так и не смог накопить денег. Мне очень жаль… — шепчет он, опуская голову.

В комнате снова воцаряется тишина. Фарес вздыхает, потом морщины у него на лбу разглаживаются, и на лице появляется подобие улыбки.

— Отец, помнишь, что произошло в тот день? Я очень разозлился. Мы поругались из-за того, что я вернулся с пустыми руками, хотя должен был выпросить у булочника немного хлеба. Было ужасно стыдно продолжать попрошайничать на улице. Я мечтал о новых штанах и модных ботинках, как и другие мальчишки, но денег хватало только на еду. На следующий день во мне проснулось дикое желание больше ни от кого не зависеть. Хотелось добиться успеха, самостоятельно зарабатывать себе на жизнь и покупать ту одежду, которую хочется. Вот почему я ушел, дав себе обещание, что не вернусь домой, пока мои карманы не будут полны денег…

Он замолкает, делает еще один глоток чая — и возвращается к своему рассказу:

— От людей из нашего квартала я слышал, что есть возможность уехать в Саудовскую Аравию. Говорили, что, работая там, можно обеспечить всю семью. Я решил попытать счастья. Меня переполняли амбиции, и терять было нечего… Молодость и беззаботность сделали свое дело. Я даже не представлял, что будет так тяжело.

Четыре дня мы добирались до Саудовской Аравии. Сначала я

с другими рабочими ехал на попутной машине до Саады, города на северо-западе Йемена. Дорога была забита армейскими постами, и уже на первом стало понятно, что поездка предстоит не из легких. Наконец мы оказались в Сааде. Там нашелся проводник, который предложил перевести меня через границу за пять тысяч риалов[36]. Дорого, знаю, но так не хотелось поворачивать назад. Он говорил, что проведет меня по окольным дорогам, где нас не поймают пограничники. У меня не было при себе никаких документов, оставалось только рассчитывать на его помощь.

— Мы так за тебя волновались! Боялись, что больше никогда тебя не увидим, — перебивает Фареса отец.

Погруженный в воспоминания, брат продолжает рассказ, не обращая внимания на замечание *Aba*.

— Границу пересекали пешком, поздно ночью. Никогда в жизни не было так страшно. По дороге я встретил еще нескольких йеменцев, некоторые были даже моложе меня. Они тоже слабо представляли, что их ждет по ту сторону границы, и мечтали только об одном — поскорее разбогатеть. Только бредя в темноте неизвестно куда, я наконец понял, на какой риск пошел. Ведь если пограничники нас схватят, то тут же отправят обратно в Сану…

Когда мы оказались в Саудовской Аравии, я вздохнул с облегчением, но радость вскоре сменилась недоумением. Куда теперь идти? Несмотря на усталость, я продолжил идти и через некоторое время оказался возле города Кхамисс Мусхеид. Какое разочарование! Та часть Саудовской Аравии мало чем отличалась от Саны. Человек, у которого я спросил дорогу, предложил переночевать у него. Он жил прямо в открытом поле вместе с женой и детьми.

На следующий день он предложил мне работу, и я сразу согласился. Выбора не было. Этот человек занимался разведением овец. Пришлось присматривать за стадом в шестьсот голов. Каждый день нужно было выгонять животных на пастбище. Мне помогал еще один пастух, из Судана. Я работал по двенадцать часов в сутки, с шести утра до шести вечера. Мы спали с суданцем в крошечном каменном домике, затерянном где-то в полях. В комнате было только два тонких матраса. Ни телевизора, ни холодильника, ни нормального туалета, ни кондиционера. Мечты рушились на глазах…

Фарес замолкает, чтобы перевести дух. От усталости его голос становится хриплым.

— С этого дня жизнь превратилась в одно сплошное разочарование. Хозяин становился все более требовательным. Мы

должны были кормить животных, поить их, охранять, пока они пасутся. Рабочий день без конца удлинялся. Потребовался месяц, чтобы осознать всю шаткость своего положения. Для этого всего-то надо было получить зарплату — двести саудовских риалов[37] за тридцать дней работы. Их хватило лишь на то, чтобы купить конфеты в бакалее на углу… которая по иронии судьбы принадлежала моему хозяину!

Я не знал, что делать. Стало понятно, что придется работать как минимум год, чтобы накопить достаточно денег для возвращения в Сану. Мне не на что было даже вам позвонить. К тому же гордость мешала признать свое поражение. В первый раз я звонил только для того, чтобы убедить вас, что все хорошо. Во второй — через два года, — потому что очень за вас волновался…

Фарес опускает голову и тяжело вздыхает.

— Когда я повесил трубку, то мамины слезы на том конце провода не давали покоя. Я не спал всю ночь. Посчитал, сколько у меня денег — как раз чтобы доехать до Саны. Доработал последнюю неделю и попрощался с хозяином. Я решил: пришло время вернуться домой.

— И что ты теперь собираешься делать? — спрашивает Мохаммед.

— Буду со всеми остальными продавать жвачку на улице, — покорно отзывается Фарес.

Как он изменился! Мой амбициозный старший брат теперь готов смирно стоять в рядах побежденных. В своих воспоминаниях я ясно вижу дерзкий взгляд Фареса, бесстрашно противостоящего отцу. В голове вертелись все его проделки — они так раздражали *Aba* и так веселили меня. Если бы несколько дней назад Фарес пошел с нами в пиццерию, то первым начал бы делать самолетики из салфеток и посылать их на соседний столик. В апреле именно воспоминания о гордом и непокорном старшем брате помогли найти в себе силы, чтобы обратиться в суд. Его поступок прибавил мне мужества. Думаю, что я в долгу перед ним.

Побежденный Фарес — как это на него непохоже. Никогда не думала, что у него могут опуститься руки. Поэтому сегодня вечером у меня так тяжело на сердце. Когда-нибудь я обязательно найду способ помочь брату. Не знаю как, но я верну его дерзкий взгляд и нахальную улыбку.

11. Когда я стану адвокатом…

16 сентября 2008 года

На улицах Саны становится ветрено. Этот ветер предвещает конец лета, возвращение вечерней свежести и несет в себе отголоски первых капель дождя. Мои братишки и сестренки снова смогут скакать по лужам вместе с другими детьми из нашего квартала. Скоро пожелтеют листья, и на перекрестках вновь появятся бродячие торговцы одеялами.

Завтра снова пойду в школу — с каким нетерпением я ждала этого момента! Ночью никак не могла заснуть. Перед тем как лечь в кровать, я аккуратно уложила чистые тетради в новую сумку из коричневой ткани. На листке бумаги потренировалась писать свое имя. А еще имя Малак. Воспоминания о лучшей подруге согревали душу. К несчастью, меня записали в новую школу, так что нам не удастся встретиться.

Во сне я видела белые тетрадные листы, цветные карандаши и класс, полный девочек моего возраста. Мне уже несколько недель не снятся кошмары. Я больше не просыпаюсь в поту, с мокрыми от слез глазами и еле ворочая языком от страха, каждую секунду ожидая, что вот-вот распахнется дверь — и опрокинутая масляная лампа снова покатится по полу. Вместо этого мне снится школа. Ведь если о чем-то мечтаешь сильно-сильно, это обязательно сбудется.

Этим утром мое сердце бьется очень быстро. Нужно успокоиться. Я встала и на цыпочках прошла в ванную, почистила зубы и причесалась. Все женщины нашей семьи в это время крепко спали, вытянувшись на полу в дальней комнате. Из гостиной доносилось только сонное жужжание мух. Перед тем как надеть новую школьную форму — зеленое платье и белый платок, — я долго-долго умывала лицо холодной водой.

— Хайфа, вставай, опоздаем!

Волосы растрепаны, на щеке подушка отпечаталась — да, сестренке явно тяжело просыпаться так рано. Пока я нетерпеливо топчусь у двери в ожидании такси, мама помогает Хайфе одеваться и обуваться. А та все никак не может найти свой платок. Ну ничего, придется надеть другой, он немножко запачканный, но это не страшно. А вот и такси — водитель сигналит и зовет нас выходить. Его прислала международная гуманитарная ассоциация.

Она также взяла на себя ответственность за наше образование.

— Готовы? — улыбаясь, спрашивает шофер.

— Да!

— Тогда поехали!

Сердце колотится еще быстрее, Я торопливо хватаю сумку и вешаю ее на плечо. Перед тем как сесть в машину, мы крепко целуем *Omma*. Цепляющаяся за ее платье Раудха машет нам на прощание, а потом вдруг начинает хихикать. Она заметила вдалеке стадо баранов. Наш новый маленький дом находится в тупике за заводом по производству кока-колы, по соседству с наполовину обработанным полем, куда пастухи выгоняли по утрам свои стада.

* * *

Мы с Хайфой сидим на заднем сиденье и заговорщически улыбаемся, когда слышим, как рычит мотор. В эти секунды нас переполняет ни с чем не сравнимая радость. И волнение. Я так ждала этого дня! Наконец можно будет рисовать, учить арабский, читать Коран, решать примеры! Когда в январе меня заставили уйти из школы, я умела считать только до ста. А теперь хочу научиться считать до миллиона!

Прижавшись лбом к стеклу, смотрю в бескрайнее синее небо. Сегодня утром ветер разогнал все облака. Улицы на удивление безлюдны. Торговцы еще не успели раскрыть железные ставни своих лавочек. Старик, живущий по соседству, — он всегда жутко сердится, когда к нам приходят журналисты, — вопреки обыкновению, не подстерегает нас на пороге своего дома. Булочная на углу еще закрыта, перед ней не толпятся женщины в черных покрывалах. В этом году — исключительный случай — начало занятий совпадает с рамаданом. И большая часть города еще спит.

И в этом году я впервые соблюдаю пост вместе со взрослыми: ничего не ем и не пью от утренней до вечерней молитвы. Сначала было нелегко, особенно из-за жары — все время терзала жажда. Я даже боялась, что упаду в обморок. Но я быстро полюбила этот длинный месяц, в котором причудливо переплелись сосредоточенность, воздержание и праздничное настроение, а люди живут совсем не так, как в течение всего остального года. Вечером, когда солнце скрывается за крышами домов, на скатерти появляются финики, ячменный суп *shorba* и маленькие оладьи из картошки и мяса — *floris*. Эти блюда не запрещается есть в рамадан. Мы ложимся спать очень поздно — в три часа ночи! После заката в ресторанах полно народу, а неоновые лампы на

витринах бутиков и магазинов игрушек сияют почти до самого рассвета. В центре города, недалеко от Баб-аль-Йемена, проехать практически невозможно.

* * *

Проснувшись сегодня утром в первый раз — в пять часов, для молитвы, — я поблагодарила Господа за то, что Он не оставил меня в последние месяцы, и попросила Его, чтобы Он помог мне хорошо учиться во втором классе и не болеть, чтобы Он помог папе с мамой заработать денег, чтобы братья перестали просить милостыню на улицах, а к Фаресу вернулась его задорная улыбка. Если бы только школу можно было сделать обязательной для всех детей, мальчишек не заставляли бы продавать жевательную резинку между машин, стоящих на светофоре. А еще я думала о своем дедушке Жаде, о том, что мне его очень не хватает, но хочется верить, что где-то там, высоко, он гордится своей внучкой.

* * *

Такси выехало на главную улицу, ту самую, которая ведет к аэропорту. После контрольно-пропускного пункта[38] мы поворачиваем направо. Мимо проплывает множество бетонных зданий, на плоских крышах которых разместились белые тарелки спутниковых антенн. Может быть, однажды и у нас дома будет телевизор. Водитель нажимает на кнопку, которая автоматически открывает задние окна. Издалека доносится пение девочек. Чем ближе мы подъезжаем к школе, тем лучше я слышу мелодию.

— Приехали, — объявляет шофер, припарковывая машину перед большими железными воротами.

Весь путь от дома до школы занял пять минут. По спине мурашки бегут от радостного ожидания и предвкушения. Теперь девочки поют так близко, что я уже могу разобрать слова — это же старая песенка, которую мы учили в прошлом году. Там, за воротами, новая школа.

— Здравствуй, Нуджуд!

Шада! Какой сюрприз! Я бросаюсь к ней и крепко обнимаю. Она пришла, чтобы быть рядом в такой чудесный день. Если бы Шада только знала, до какой степени ее присутствие наполняет меня уверенностью в себе!

За воротами обнаруживается большой, посыпанный гравием

двор, окаймленный двухэтажным зданием из серого кирпича, где размещаются классные комнаты. Все девочки одеты в такую же форму, вокруг одинаковые зеленые платья и белые платки. Я никого тут не знаю и поэтому немного стесняюсь. Шада знакомит меня с директором Ньялой Матри, женщиной, с ног до головы одетой в черное. Из-под платка видны лишь ее глаза.

— *Kifalek*[39], Нуджуд?

Ее голос одновременно мягкий и полный уверенности. Она приглашает нас в свой кабинет, вход в который расположен в глубине двора. В центре комнаты стоит большой стол для совещаний, покрытый красной скатертью, на ней горделиво возвышается горшок с цветами. На дальней стене висит большой плакат с изображением президента республики Али Абдаллы аль-Салиха. За письменным столом слева сидит молоденькая учительница и что-то быстро печатает на компьютере. Ньяла Матри закрывает дверь и снимает *niqab*. Какая же она красавица! У нее серо-голубые глаза и кожа нежно-молочного оттенка.

— Нуджуд, мы очень рады видеть тебя здесь. Надеемся, что школа станет твоим вторым домом.

Я начинаю потихоньку оттаивать. Директор рассказывает, что их учреждение, которое в основном финансируется благодаря пожертвованиям жителей квартала, каждый год принимает около тысячи двухсот новых учеников, так что в классе набирается от сорока до пятидесяти девочек. Она особенно подчеркнула, что преподаватели готовы во всем помогать своим ученицам, и те в случае необходимости могут спокойно подходить к ним после занятий и задавать любые вопросы, даже личного характера.

От ее слов на сердце становится легче. Я уж и не верила, что когда-нибудь смогу вернуться в класс. В другой школе учительница была против моего зачисления:

— Понимаете, ваша девочка не похожа на других… Х-м-м… Она уже вступала в отношения с… х-м-м… с мужчиной… Это может плохо повлиять на ее одноклассниц, — запинаясь, шептала она Шаде.

Тогда моему бывшему адвокату пришлось искать другие варианты. Некоторые из них, по ее мнению, были слишком экстравагантными: например, обучение за границей, оплачиваемое международными организациями, или в частной школе Саны. Нужно ли мне все это? Готова ли я снова расстаться с родными, особенно с моей сестричкой Хайфой? Нет, не готова. Во всяком случае, не сейчас. Поэтому мы выбрали школу в соседнем квартале. Там я наконец отдохну от любопытных взглядов и перешептываний за спиной. Там со мной будут обращаться как с обычной девочкой. Так же, как с моей младшей

сестрой.

— *Hiiiiiiiiii, Nojoud! Oh, you are soooooo cute*![40]

Но судя по всему, мечтам не суждено исполниться! Посреди двора стоит голубоглазая широкоплечая дама с небрежно повязанным сиреневым платком, едва скрывающим короткие волосы, и всеми силами пытается привлечь мое внимание. Вокруг нее уже толпятся школьницы, она машет руками во все стороны, что-то очень громко говорит. Но слова, слетающие с ее губ, больше похожи на какую-то заморскую тарабарщину, чем на арабский. Явно иностранка. Может, она думает, что попала зоопарк? Шада объясняет мне, что эта женщина работает в известном американском журнале «Glamour». И она приехала в Йемен только ради меня! Опять придется рассказывать свою историю. Губы снова онемеют, когда начнут задавать слишком личные вопросы — на них очень трудно отвечать. И снова сердце сожмется от тревоги, которую я пытаюсь загнать как можно глубже внутрь себя…

Внезапно двор оглашает веселый перезвон. Спасена! Учительница Наймия, похлопывая указкой по ладони, делает нам знак выстроиться вдоль стены. Я вливаюсь в толпу девочек. Потом нас приглашают в большую классную комнату, чтобы рассадить за парты, выстроенные в два ряда. Выбираю место рядом с окном. Не прямо перед доской, но и не позади всех. Если точнее, то за третьей партой, рядом с двумя девочками, имена которых я еще не запомнила. Внимательно смотрю на черную доску и пытаюсь разобрать, что написала учительница. «Ra-ma-dan Ka-rim, *Ramadan Karim*! — Счастливого Рамадана!». Слова всплывают в памяти и вновь обретают форму, подобно мозаике. Сердце начинает биться в нормальном ритме.

Учительница призывает нас спеть национальный гимн, но меня вдруг отвлекает шелест тетрадных листьев. Такой удивительно родной школьный звук.

Внезапно в памяти всплывает история, которую я буквально несколько минут назад услышала от директрисы:

— В прошлом году одна из наших учениц неожиданно перестала посещать занятия. Без какой-либо видимой причины. Сначала я надеялась, что она вернется в школу. Но шли недели, а мы не получали от нее никаких новостей. И вот несколько месяцев назад я узнаю, что девочку выдали замуж и она уже родила ребенка. Представляете, в тринадцать лет!..

Директриса разговаривала с Шадой очень тихо, стараясь, чтобы я ничего не услышала. Конечно, ею двигали исключительно благие намерения. Но ведь она понятия не имеет о том, какой план сложился у меня в голове за последние недели. Я твердо

решила: когда вырасту, обязательно стану адвокатом, как Шада, и буду защищать маленьких девочек, попавших в беду. Если удастся, предложу увеличить возраст для вступления в брак до восемнадцати лет. Или до двадцати. Или даже до двадцати двух! Я должна быть сильной и настойчивой, не бояться мужчин и смело смотреть им в глаза. И сказать отцу, что не согласна с его словами, будто маленьких девочек можно выдавать замуж только потому, что пророк взял в жены Аишу, когда ей было девять лет. Я буду носить туфли на каблуках и не стану закрывать лицо — совсем как Шада. *Niqab* душит женщин! Для того чтобы всего этого добиться, нужно прилежно учиться в школе. Это необходимо для поступления в университет и изучения права. Если я постараюсь, все получится!

* * *

С тех пор как состоялся суд, события сменяли друг друга с такой бешеной скоростью, что я до сих пор не могу толком осознать произошедшее. Конечно, понадобится время. Время и терпение. Кстати, Шада несколько раз предлагала мне обратиться к врачу, который, по ее словам, должен помочь разобраться во всем. Но я каждый раз отменяла встречу буквально в последнюю минуту. Мне очень неловко идти к врачу, ведь я совсем не знаю этого человека. Поэтому в конце концов Шада прекратила настаивать. Вначале меня действительно терзал стыд и страх, что я буду отличаться от других. У меня никак не получалось избавиться от странного ощущения, будто я единственная, кому на долю выпали такие страдания. Молчаливая жертва, которую никто не в силах понять. Одна. Всем чужая. Всеми униженная.

Однако мой случай не такой уж и уникальный. О подобных историях предпочитают молчать, но их больше, чем вы можете себе представить. Несколько недель назад Шада познакомила меня с двумя девочками, Арвой и Рим, которые, так же как и я, пришли требовать развода. При встрече мы крепко обнялись, словно были сестрами. Рассказы девочек потрясли меня до глубины души. Отец выдал девятилетнюю Арву замуж за человека, который был старше ее на двадцать пять лет. Увидев по телевизору репортаж о моей истории однажды утром, девочка решила бежать. Она укрылась в больнице деревни Джибла, к югу от Саны. Жизнь Рим сломалась в двенадцать лет, когда ее родители развелись. Чтобы отомстить жене, отец отдал дочь в жены своему дальнему родственнику, несмотря на то, что тот старше девочки на тридцать лет. После нескольких попыток

покончить с собой, Рим набралась смелости обратиться в суд.

Я очень обрадовалась, услышав, что моя история помогла им спастись и изменить свою жизнь. Меня до глубины души тронули несчастья этих девочек. Теперь я чувствую ответственность за то, что они решились взбунтоваться против своих мужей. Я слушаю их истории и вижу в них отражение своей жизни. Замужество придумали для того, чтобы делать девочек несчастными. Никогда больше не выйду замуж. Никогда! *Machi! Machtich*!

* * *

Я часто думаю о том, что случилось с Моной. С ней жизнь тоже обошлась не слишком ласково. Но вот настал день, когда моя сестра Джамиля наконец вышла из тюрьмы! Когда она вернулась домой, я обняла ее и поцеловала.

Джамиля рассказала, что в тюрьме ей приходилось делить камеру с настоящими преступниками, даже с женщинами, обвиненными в убийстве собственных мужей! Но дома мы старались о таких вещах не говорить, чтобы не портить радость от встречи. Ведь впервые за долгие годы все члены нашей семьи наконец-то были вместе. Однако идиллия была недолгой. Начались ссоры, и однажды старшие сестры очень сильно поругались. Чтобы спасти Джамилю, Мона согласилась подписать документ, который передал ей муж. Но злиться на сестру она не перестала. Мона обвиняла Джамилю в том, что та разрушила ее семью. Между ними никогда уже не будет прежних отношений. Конечно, во всем прежде всего виноват муж Моны. Когда-нибудь я поговорю с Фаресом и заставлю его пообещать, что он будет нежным и обходительным по отношению к своей супруге.

* * *

По небу летит самолет, оставляя за собой длинный белый след. Я наблюдаю за тем, как он медленно растворяется в синеве. Самолет скоро приземлится в аэропорту, который расположен неподалеку от нашего дома. Может быть, он прилетел из Франции или из Бахрейна… Интересно, какая из этих стран находится ближе? Надо будет спросить у Шады. Однажды я тоже улечу на другой конец света. Наш сосед, приехавший из Саудовской Аравии, рассказывал, что изнутри самолет похож на просторный зал, в котором можно сидеть, читать журналы и заказывать разные блюда. И он добавил, что там все едят при

помощи настоящих столовых приборов — совсем как в пиццерии!

Звонкий голос учительницы прерывает мои размышления.

— Кто хочет рассказать первую суру из Корана? — обращается она ко всему классу.

Поднимаю руку высоко — чтобы все видели! Не знаю, откуда взялась эта решимость и отвага. Я ни секунды не потратила на раздумья. Не стала спрашивать себя, что подумает об этом отец, не побоялась, что одноклассницы начнут шептаться за спиной. Мое имя — Нуджуд, мне десять лет, и я решила ответить. И мое решение ни от кого не зависит.

— Нуджуд? — смотрит на меня учительница. От нее не укрылось мое желание ответить.

Глубоко вздохнув, встаю со стула и выпрямляюсь. Начинаю копаться в памяти — где-то там обязательно должны быть строки Корана, которые я учила наизусть в прошлом году.

Во имя Аллаха Всемилостивого и Всепрощающего,
Хвала Аллаху, Господу Миров.
Всемилостивому и Всепрощающему,
Царю в день Суда,
Лишь Тебе мы поклоняемся,
Лишь Тебя мы просим о помощи.
Веди нас дорогой правых, дорогой тех,
Кому Ты даруешь благо,
Но не путем тех, кто вызвал Твой гнев,
Не путем заблудших.

В классе воцарилась торжественная тишина.

— Молодец, Нуджуд. Да хранит тебя Господь! — хлопает в ладоши учительница, призывая остальных следовать ее примеру.

Потом ее взгляд устремляется на другой конец класса в поисках новых желающих. С улыбкой на губах сажусь обратно за парту.

Смотрю вокруг себя и не могу сдержать вздох облегчения. В своей бело-зеленой форме, я всего лишь одна из пятидесяти девочек, сидящих в классе. Ученица второго класса начальной школы. После уроков я, как тысячи других маленьких йеменок, соберу тетради в портфель и пойду домой. Там буду делать домашние задания и рисовать в альбоме.

Сегодня я наконец-то полностью ощущая себя маленькой девочкой. Нормальной маленькой девочкой. Которой была до всех этих страшных событий. Счастье — это просто.

Эпилог

Нуджуд, одетая в очаровательное фиолетовое платье, крепко держится за руку Шады и улыбается всем вокруг. Видно, что она немного стесняется, но взгляд девочки полон решимости.

— Еще один снимок! — кричат папарацци.

Десятое ноября 2008 года, Нью-Йорк. Самая юная разведенная девочка в мире только что получила звание «Женщина года» на церемонии, проводимой американским женским журналом «Glamour». С высоты своих десяти лет она разделяет это неожиданное признание с кинозвездой Николь Кидман, государственным секретарем США Кондолизой Райс и сенатором Хиллари Клинтон! Не так уж мало для маленькой йеменской девочки, которая из анонимной жертвы внезапно превратилась в современную героиню и теперь стремится вернуться к нормальной жизни. Но она это заслужила.

* * *

Нуджуд выиграла. И она гордится своей победой. Что поразило меня во время нашей первой встречи в июне 2008 года, через два месяца после развода, так это ее совершенно взрослая уверенность[41]. Будто невероятные испытания заставили ее вырасти и навсегда разлучили с детством.

Эта взрослость чувствовалась уже в ее голосе, когда она по телефону в малейших подробностях описывала мне дорогу к их неприметному домику, затерянному в лабиринте пыльных улиц Дареса, пригорода Саны, столицы Йемена.

Девочка вышла встречать меня на заправочную станцию, заставленную машинами. Закутанная в черный платок маленькая фигурка. Рядом — младшая сестра Хайфа. «Я буду стоять рядом с торговцем сладостями», — предупредила Нуджуд по телефону, не скрывая обычную для детей любовь к конфетам. Миндалевидные глаза, кукольное личико, ангельская улыбка. На первый взгляд — совершенно обычная девочка, которая любит сладости, мечтает о большом телевизоре и играет в жмурки со своими братьями и сестрами. Но в глубине души это настоящая маленькая женщина, прошедшая через тяжелые испытания. Сегодня она с улыбкой принимает поздравления «*Mabrouk*!» от незнакомых женщин, чествующих юную героиню.

* * *

«Развод Нуджуд распахнул настежь прежде крепко запертую дверь», — призналась мне Хусния аль-Кадри, директор департамента по делам женщин в Сане, во время обсуждения недавно проведенного социологического исследования. В ходе работы выяснилось, что больше половины девочек Йемена выходят замуж до достижения восемнадцатилетия[42].

Действительно, история Нуджуд вселяет в сердца людей надежду. На Аравийском полуострове раннее замужество кажется неискоренимой частью традиций, но невероятная отвага этой девочки побудила множество молчаливых жертв восстать против жестокости мужей. С тех пор, как Нуджуд обратилась в суд, ее примеру последовали уже две девочки — девятилетняя Арва и двенадцатилетняя Рим. Они тоже отважились бросить вызов варварским обычаям. В одной из газет Саудовской Аравии описывался случай, когда с требованием развода выступила восьмилетняя девочка (отец отдал ее в жены пятидесятилетнему мужчине!) — и суд с готовностью рассмотрел это дело. Это первый подобный случай в истории страны.

Победа Нуджуд также позволила йеменским ассоциациям по защите прав женщин надавить на парламент, чтобы добиться увеличения минимального возраста для законного вступления в брак.

Нуджуд, наверное, сама еще не до конца осознала, что нарушила табу. Новость о ее разводе, освещенная мировыми средствами массовой информации, облетела всю планету и позволила привлечь общественное внимание к довольно распространенному в ряде восточных стран (например, в Афганистане, Египте, Индии, Иране, Мали, Пакистане и др.) обычаю раннего замужества.

Но нас ее история трогает до глубины души еще и потому, что заставляет задуматься о самих себе. На Западе считается хорошим тоном инстинктивно сочувствовать тяжелой судьбе мусульманских женщин. Хотя ранние браки и насилие со стороны мужей существуют и вне исламского общества. Стоит обратить внимание на Францию, Испанию, а также на Италию: разве прабабушки не рассказывали нам, что их отдали замуж совсем юными? Разве мало молодых женщин вокруг нас терпят жестокое обращение своих мужей? Не стоит забывать и о Соединенных Штатах, ведь именно там лидер секты мормонов, техасец Уоррен Джеффс, имел обыкновение наблюдать за брачными церемониями девочек, которым едва исполнилось четырнадцать лет. И это продолжалось до тех пор, пока в 2008 году его

организация наконец не была разогнана.

* * *

В Йемене у отцов есть множество причин, чтобы как можно раньше выдать замуж своих маленьких дочерей. «Нищета, недостаток образования, местные обычаи играют очень большую роль в этом вопросе», — заявляет Хусния аль-Кадри. Честь семьи, боязнь изнасилования, урегулирование споров между племенами — вот лишь немногие из трех причин, которые приводят родители в свою защиту. Исследовательница добавляет, что в провинциях пользуется особой популярностью пословица: «Если возьмешь в жену девочку девяти лет, то брак твой будет счастливым».

Проблема в том, что для большинства йеменцев раннее замужество остается частью традиций и нормальной повседневной жизни. «Недавно мы столкнулись с подобным случаем: девятилетняя девочка, выданная замуж за мужчину из Саудовской Аравии, скончалась через три дня после свадьбы. Ее родители должны были устроить скандал. Вместо этого они поспешили принести свои извинения супругу, словно речь шла о товаре плохого качества, и предложили ему взамен свою младшую дочь, которой всего семь лет», — рассказала мне Надия аль-Саккаф, главный редактор газеты «Йемен таймс». Мы восхищаемся поступком Нуджуд, но в то же время приверженцы старых традиций продолжают воспринимать его как возмутительный акт неповиновения, а наиболее радикально настроенные граждане заявляют, что девочка совершила преступление против чести и должна понести наказание.

* * *

Блеск огней и бриллиантов Нью-Йорка остался в прошлом, а повседневная жизнь нашей маленькой героини из Йемена, увы, мало похожа на волшебную сказку.

Нуджуд вернулась к родителям по собственному желанию. Но сейчас, когда я пишу эту статью, будущее девочки до сих пор остается неясным. Дома старшие братья с большим неудовольствием следят за международной шумихой, вызванной разводом их сестры. Соседи жалуются на то, что поблизости постоянно мельтешат иностранные журналисты и репортеры с камерами. К тому же многие из тех, кто интересуется историей

Нуджуд, делают это отнюдь не из благих побуждений. В довершение всех бед бывший муж девочки был полностью оправдан. Семья Нуджуд прекратила общение с этим человеком, и теперь никто не знает, где он находится.

Шаде тоже приходится нелегко. Недоброжелатели не упускают возможности обвинить адвоката в том, что она создает отрицательный образ женщины из Йемена во всем мире. В то же время неправительственные организации изо всех сил стараются привлечь внимание сельских жителей к проблемам раннего замужества. Чтобы люди наконец осознали всю тяжесть ситуации, членам ассоциации «Oxfam»[43], на сегодняшний день наиболее активно работающих в этой области, приходится следить за каждым словом и жестом во время организации общественных собраний на юге страны. Вместо «законного возраста вступления в брак» приходится говорить о «безопасном возрасте», уделяя особое внимание риску, которому подвергаются выданные замуж девочки. Речь идет о психологических травмах, высоком уровне смертности во время родов, необходимости бросать школы и т. д. и т. п. Перед работниками ассоциации стоит невероятно сложная задача. «Многие из наших коллег, работающих на юге, неоднократно подвергались нападкам со стороны местных шейхов. Те обвиняют их в неуважении к исламу, а также в распространении западного образа жизни на Восток», — признается Суха Башрен, одна из участниц программы. Так что дорога к сияющему будущему все еще остается длинной и тернистой…

* * *

В квартале, где живет Нуджуд, нет такого роскошного уличного освещения, как в Нью-Йорке. Зимой наступают холода, а отопления в домах нет. Длинные вечерние платья так и остаются висеть за неприступными стеклами витрин. По утрам приходится идти на улицу и добывать хлеб для всей семьи. Отец Нуджуд до сих пор не нашел работу. Когда не хватает денег на еду или на то, чтобы заплатить за жилье, ее маленькие братья и сестры опять отправляются попрошайничать.

Несмотря на все препятствия, девочка снова ходит в школу. Авторские права на эту книгу позволят ей оплатить образование и осуществить свою мечту — стать адвокатом, и, возможно, даже купить дом. Каждый раз, когда я приезжаю в Сану, Нуджуд просит привезти ей цветные карандаши. Усевшись на пол в скромной гостиной, она всегда рисует одно и то же разноцветное здание со

множеством окон. Однажды я спросила, что же все-таки изображено на ее рисунках: домик, школа или пансионат? «Это дом счастья. Там живут счастливые маленькие девочки», — широко улыбаясь, ответила она.

Дельфин Минуи, январь 2009 г.

Мы хотим сказать спасибо…

Эта книга посвящается Арве,
Рим и всем маленьким девочкам
Йемена, мечтающим о свободе.

Мы хотим сказать спасибо всем, кто не закрыл перед нами двери и позволил воссоздать историю Нуджуд Али, для того, чтобы она стала примером и смогла вдохновить других девочек на борьбу за свои права.

Отдельно хочется поблагодарить Шаду Нассер, адвоката Нуджуд, а также судей Общественного суда Саны: Мохаммеда аль-Гхази, Абдо и Абделя Вахеба.

Огромное спасибо всей команде «Йемен таймс», и в особенности главному редактору Надие Абдулазиз аль-Саккаф и журналисту Хамеду Тхабету, который сейчас занимает в Сане пост советника по политическим вопросам при посольстве Германии.

Мы бесконечно благодарны исследовательнице Хусние аль-Кадри, которая руководит Департаментом по делам женщин при Университете Саны. Именно она помогла нам увидеть, как в действительности обстоит дело с ранними браками в Йемене.

И, конечно, мы бы не справились без команды «Oxfam», особенно без Вамеедхи Шакир и Сухи Вашрен, чья поддержка оказалась просто неоценимой.

Спасибо Ньяле Матри, директрисе школы в квартале Раудха, которая позволила Нуджуд вернуться к занятиям.

Мы хотим выразить огромную благодарность Эмане Машур, без которой эта книга никогда бы не увидела свет. Ее желание помочь йеменским женщинам, ее терпение и переводческий талант помогли воплотить этот проект в жизнь.

Тысячу раз спасибо Эллен Кникмейер, которая познакомила нас друг с другом.

От всего сердца благодарим Борзу Дарагахи за моральную поддержку и силы, вложенные в реализацию книги.

И, наконец, спасибо Хиаме Яреде, Мартине Минуи и Хлое Радиге, которые отважно согласились стать первыми читателями.

Дельфин Минуи и Нуджуд Али

notes

Примечания

1

Замечания и пояснения к тексту добавлены Дельфин Минуи для облегчения понимания смысла книги.

2

Аравийский кустарник кат, Его листья, употребляемые с незапамятных времен, обладают галлюциногенным эффектом и позволяют забыть о голоде и усталости. Запрещенный в большинстве стран, где его причислили к категории наркотиков, в Йемене qat находится в свободной продаже и является главным продуктом сельскохозяйственной промышленности.

3

Платок, скрывающий все лицо, кроме глаз, который носят мусульманки в Йемене и других странах Залива (в Саудовской Аравии, Бахрейне, Катаре и др.)

4

«Папа» по-арабски.

5

Сумма в 150 риалов соответствует 60 евроцентам (1 евро — 258 йеменских риалов).

6

Муэдзин — человек, в обязанности которого входит призывать мусульман к молитве по меньшей мере пять раз в день. Чаще всего он делает это с вершины мечети.

«Мама» по-арабски.

8

Уровень смертности новорожденных и детей раннего возраста в Йемене один из самых высоких в мире.

9

В йеменских деревнях каждая вторая женщина неграмотна.

10

В арабо-мусульманском мире sofrah часто заменяет обеденный стол.

Например, с тригонеллой. Эту траву часто используют в приготовлении блюд на Среднем Востоке, а также в африканской и индийской кухне.

12

Торговля детьми между Йеменом и Саудовской Аравией стала бедствием, коснувшимся множества детей из неблагополучных семей, которые побираются на улице, вместо того чтобы ходить в школу, или убегают из дома. Статистика, предоставленная некоторыми местными неправительственными организациями, говорит о том, что почти 30 % детей школьного возраста, живущих рядом с границей, каждый год отправляются попытать счастья в Саудовской Аравии. Там они живут и работают на птичьих правах; помимо прочего, хоть эта тема в семье и находится под запретом, нередки случаи сексуального насилия.

13

Sighar, или «замужество по обмену», — древний обычай, до сих пор распространенный в деревнях и среди городской бедноты; он состоит в том, что младшая сестра мужа становится супругой брата его жены вместо платы за невесту.

14

Поправка к закону о браке, утвержденная в 1999 году, дает родителям право выдавать дочь замуж до пятнадцати лет, при условии, что муж обещает не прикасаться к супруге до достижения ею половой зрелости. Но это условие, слишком расплывчатое и допускающее различные толкования в суде, редко соблюдается.

15

Термин «haram», который обычно означает «запрещено» или «незаконно», также часто используется в качестве восклицания для выражения удивления или сочувствия. Здесь: «бедняжка».

16

В буквальном переводе: «Если будет на то воля Господа».

17

4,5 евро.

Подобные ссылки на женитьбу Пророка вызваны непониманием того факта, что причиной его брака с Матерью Верующих стало Божественное повеление (см. «Слова и деяния Пророка»).

19

Dot — плата за невесту, имеющая исключительное социальное и экономическое значение в Йемене. Сумма оговаривается мужчинами обеих семей на предварительной встрече, которая проходит в виде торга.

20

675 евро.

21

«Честь» по-арабски

22

В 2004 году возле Саады, города на севере страны, разразился кровавый конфликт между государственными войсками и движением бунтовщиков «Аль-Хутхи», члены которого — представители зайдитского ответвления шиитского ислама (большая часть жителей Йемена принадлежит к суннитской ветви). Хутхи выдвигали различные религиозные, социальные и политические требования. Бои прекратились только летом 2008 года.

23

«Занавески, покрывала» по-арабски.

24

Если верить историческим свидетельствам, найденным в Сане, именно на закате Османской империи (в то время она распространила свое могущество и на Йемен), когда к власти на севере страны пришел имам Йахуа, женщины начали прятать лица под черными платками.

25

Сейчас две трети водных запасов Йемена используются для выращивания ката.

26

«Oud» в буквальном переводе с арабского обозначает «дерево»; в данном контексте — разновидность восточной лютни.

27

В Йемене смолу дерева oud часто используют, чтобы освежать воздух в помещениях. Для этого ее кладут в маленькие горшочки и поджигают.

28

Здесь — «тетя», имеется в виду мать мужа.

29

В 1999 году Шада Нассер стала известной благодаря делу Амины Али Абдул Латиф, выданной замуж в возрасте десяти лет и приговоренной к смертной казни за убийство мужа. В результате небывалого ажиотажа, вызванного этим процессом, в 2005 году первоначальное решение суда было наконец отменено. Проведя десять лег в заключении, Амина оказалась на свободе, но в настоящий момент девушка скрывается, опасаясь мести со стороны семьи бывшего мужа.

30

«Поздравляем» по-арабски.

31

30 евро

32

Чуть меньше одного евро.

33

«Тетя» по-арабски.

34

Сумма в пятьдесят тысяч риалов (около 194 евро) составляет заработную плату йеменского рабочего за четыре месяца.

35

«Спасибо» по-арабски.

36

Девятнадцать евро.

37

Тридцать восемь евро.

38

За последние месяцы в Йемене чрезвычайно возросла угроза террористических актов, что побудило власти увеличить количество военных постов, особенно на дорогах, ведущих в аэропорт.

39

«Как дела» на йеменском диалекте арабского.

40

Привет, Нуджуд! Какая же ты миленькая! (англ.).

41

Дельфин Минуа, «Нуджуд, 10 лет, разведенная из Йемена», журнал «Figaro», 24 июня 2008 г.

42

«Ранние браки в Йемене. Информационная база и статистические данные для борьбы с ранними браками в провинциях Хадрамут и Хадейда», Университет Саны, 2006 г. Из этого документа следует, что раннее замужество является основной причиной недостатка образования среди женщин. В Йемене безграмотными являются 70 % женщин.

43

Oxfam Committee of Famine Relief — независимая международная благотворительная организация, основанная в Великобритании. — *Примеч. пер.*